Наталья Гончарова
Наталья Гончарова

Все дороги ведут назад

18+

Наталья Гончарова

Все дороги ведут назад

«Автор»

2026

Гончарова Н.

Все дороги ведут назад / Н. Гончарова — «Автор», 2026

Каменная пустыня, жестокий мир, где каждый сам за себя и одинокий путник, не знающий имени своего и потому, называющий себя по роду деятельности, Собирателем.Не помнит он ни родителей своих, ни откуда пришел, ни где его дом.Но что есть человек без прошлого и без корней своих, если корни определяют нас и только корни рождают ствол и ветви.Ведь как узнать, куда идти, если не знаешь ты откуда пришел?И потому, желая во что бы, то ни знало обрести себя в этом мире, ищет Собиратель своих сородичей, и свой дом, по опасной дороге полной врагов и противников, но любовь и друзей находит он, вопреки желанию своему.Вот только сможет ли он отличить одно от другого и не заплутать посредь бела дня, ослепленный целью своей?Коварство и драки, обман и интриги, страсть, любовь и нежность, и прекраснейшая пустыня у ног Собирателя, ждут читателя в увлекательном романе Натальи Гончаровой «Все дороги ведут назад», где от каждого слова веет жаром раскаленных камней, а на зубах, скрипит сухой песок.

© Гончарова Н., 2026
© Автор, 2026

Наталья Гончарова
Все дороги ведут назад

Часть I. Собиратель.

«… Пустыня. Он не знал кто он, и откуда, не помнил ни имени, ни свой язык, ни сколько ему зим. Иногда, пытаясь, произнести слово, он тяжело ворочал языком то вправо, то влево, словно пробуя буквы на вкус, но через минуту бросал попытки, так и не решаясь произнести их. И даже если б он их произнес, едва ли кто-то бы его услышал.

Молчанье. Он привык к нему, оно его враг и друг, и сроднилось с ним, также сильно, как он сроднился с пустыней.

Прошлой ночью ему удалось переночевать у берберов, они узнали его по клацанью заржавевших доспех, которые гремели при каждом шаге и дуновение ветра. Они были рады ему, и, уступив почетное место, как дорогому гостю подали хлеб, кускус и таджин.

Мальчишки толпились вокруг него как обычно, но подойти ближе - боялись. Один из них, потешаясь над несуразным видом путника в заржавевших и старых латах, ткнул его палкой, но испугавшись, отпрыгнул, затем захохотал и вновь подошел, чтобы повторить этот трюк, вызвавший такой восторг не только у него самого, но и стоявших неподалеку мальчишек. Старая морщинистая берберка, увидев это, шикнула на них и сверкнула своими угольными глазами так, что мальчишки со страху разбежались в разные стороны и лишь их любопытные черные как дикие ягоды глаза по-прежнему мелькали тут и там.

Спал он, всегда не снимая лат, так что при каждом движенье, гремел, будто старой посудой, в этой темной и густой африканской ночи. Но никто не упрекал его за это, и он привык не смущаться.

С утра ему собрали нехитрый скарб, дали воду, и, как и прежде не став отговаривать его от дальнего и опасного пути, лишь махнули вслед и каждый занялся своим привычным делом.

Чем ближе полдень, тем тяжелее шаг. Загребая латными башмаками песок, он как упрямый и старый мул, вспахивал землю без цели и смысла. А ветер позади, заметал его хрупкие неглубокие следы, напоминая ему, как он мелок и никчемен, и что ничто в этой жизни не вечно.

Вдали показался остов засохшего дерева, как кости давно убитого и обглоданного хищного зверя, торчавшие из песка будто напоминанье о былом величии и о сегодняшнем забвении. Может когда-то, здесь был оазис, но пыль и песок, смыли все следы не хуже самого безбрежного океана.

На минуту показалось, что он уже здесь был, и, вытерев пот, стекавший под шлемом, он взглянул наверх. Ни облака, лишь выбеленное небо, потерявшее свой нежно-голубой цвет под этим палящим пустынным солнцем жизни.

Он давно перестал вести счет времени, так и сейчас, не смог бы сказать полдень то или после обедни, но тело, откликнувшись стоном немого, сказало, что пора делать привал.

Дойдя до мертвого дерева, он сел, опершись на него, и сняв раскаленный железный шлем, благодарно вздохнул. Обжигающий ветер, хлестал в лицо, и, облизнув пересохшие губы, он потянулся к припасенной в сумке воде.

Вдоволь напившись, он устало обмяк, и, прикрыв глаз, погрузился в дивный, чарующий сон…

… ему снился сад, зеленый и благоуханный, и груши и яблони в цвету, и мириады птиц и бабочек кружившие над головой, и ручей, с чистой и голубой водой. И босый и нагий он гулял по тому райскому саду, лаская израненное тело после долгой и трудной дороги …»

Отрывок из романа Натальи Гончаровой "Доспехи совести и чести".

Глава 1. Черный снег.

Столько дорог пройдено, столько троп исхожено, но он так и не понял, почему усталость приходит именно тогда, когда до конца пути остается не больше шага. Прошло почти двенадцать полнолуний с того дня, как он вступил на земли улов, и ни одного сохранившегося города ему найти пока не удалось. Все до одного были стерты с лица земли, ни стены, ни камня, ни черепка от посуды. Там где простирались леса, теперь выжженные земли, где реки - полые русла, где птицы и звери, только стаи ворон, в поисках уснувших навеки путников. Кругом пустая равнина, та, что казалось, срослась с этим бесплодным небом, и стала сама неотличима от него.

Он напряженно всматривался вдаль, уже не надеясь найти хоть что-нибудь, и сомнения в правильности выбранного пути начали одолевать его с новой силой, как вдруг, впереди забрезжил свет надежды. Впервые за двадцать восемь зим удача вспомнила о нем, в этом забытом даже духами месте на самом краю земли. Он увидел вдалеке нечто похожее на застывший мираж, так часто приходивший к нему во снах и мучавший его своей недоступностью. Город, на который он возлагал столько надежд…

Но кому, как, ни ему было знать, что чем большие надежды ты возлагаешь на что-то, тем большее разочарование ждет тебя. И он подавил в себе эту радость ожидания, так как научился подавлять грусть. Чувства - недоступная роскошь в диком и опасном мире, где живут только черные вороны, да, перекати полем, катится по песку печаль.

Ескиман, последняя крепость империи улов. Ее юго-восточный рубеж, город, разжиревший на торговле не только шкурами, но и людьми. Когда – то богатый, но грязный, праведный на словах и разгульный на делах, город, где брага лилась рекой, а серебро с небес сыпало проливным дождем. Восхитительный город дикой земли. Теперь же, через три столетия от былого величия осталась только улица полуразрушенных домов. Останки исчезнувшей цивилизации, державшей в страхе полмира добрую тысячу лет, и павшей, без боя за одно столетие.

Он не рассчитывал найти здесь что-нибудь по-настоящему стоящее, все же, он был не первым Собирателем, дошедшим до самых дальних земель. Мародеры, заблудившиеся путники, и живущие неподалеку племена пешмен, наверняка до него уже обыскали здесь каждый камень, и продали не в одни руки, все, что нашли. Но все же, даже если тысяча людей пройдет по одной тропе, и обыщет каждый куб земли в округе, ежели пойдешь ты вслед за ними, то непременно найдешь, на той, же самой тропе, там, где еще свеж отпечаток ноги, нечто важное, быть может, ими, же самими, и оброненное.

Но этим он займется завтра, а сегодня надо отдохнуть.

Для ночлега он выбрал самое прекрасное здание из всех. Были здесь сооружения и в лучшей сохранности, но, ни одного, такой красоты. И жажда чего-то прекрасного, в этих руинах, заставила его пренебречь рациональностью разума, в угоду пище для души. Ведь разве же кто-нибудь может отказаться от того, чтобы провести ночь под куполом из каменных цветов, исчезнувшей навек цивилизации?

Он хотел было развести костер, с каждым днем ночи здесь становились все холоднее и холоднее, но деревья не встречались ему уже добрый месяц, и потому он передумал, решив приберечь кизяки на ледяную ночь.

Да и зачем, если закат был и сам похож на пламя неистового костра. Небо в здешних местах было прекрасным, но таким переменчивым и оттого тревожным. То серое, то кобальтовое, то алое, то розовое с голубыми всполохами огня, оно нависало всей своей тяжестью над его бедной головой, рождая в ней отчего-то только грустные мысли. Так нависает молот Создателя над новорожденным барашком, судьба которого быть принесенным в жертву, определена задолго до его появления на свет. И, любуясь красотой этого сурового неба, он вместе с тем, в эти горькие минуты отчаяния чувствовал себя таким одиноким, и таким беззащитным перед

этим огромным и враждебным миром, что рука сама собой за милостью потянулась вверх, и тихо выдохнув, он неумело произнес в пустоту:

- Помоги...

Губы не слушались, язык чужой. Он поводил им из стороны в сторону, как если бы пробовал его на вкус, и, поняв, как, наверное, это выглядит глупо, резко засмеялся. Впрочем, смех оказался не лучше голоса, скрипучий, будто несмазанная дверь, и пронзительный, словно крик ненавистных ему ворон.

Он был бесстрашен, и храбр, и отчаян, и все же была одна вещь, которую он боялся в жизни больше всего. Он боялся, что когда придет день, и он умрет, вороны, эти чудом выжившие в здешних местах стервятники, выклюют ему глаза, и будут терзать плоть его, покуда не насытятся, и не оставят от его плоти ни следа, кроме белоснежных костей на этих грубых камнях. И, будет он, вот так, распятый и белый, лежать, пока не станет песком, и не окажется в руках злого ветра, и будет тот ветер пересыпать его в своих ладонях и день и ночь и не будет ему покоя нигде и никогда, как нет ему покоя и сейчас.

Не смерти боялся Собиратель, а вечности, идущей вслед за ней.

Стемнело. Но сон не шел. Тревога терзала его, как сытый хищник терзает свою добычу, играя с ней. Предчувствие или непогода тому виной? Ведь алый закат верный предвестник бури. Он ворочался из стороны в стороны не находя себе место, и чем больше он пытался уснуть, тем дальше ускользал от него сон. Он пытался ухватиться за него рукой, как за ниточку, глаза слипались, вот-вот он провалится в спасительную тьму, но мышцы судорожно сокращались, он вздрагивал, а сон исчезал, так и не овладев им.

Как вдруг совсем рядом, он услышал, чьи-то осторожные шаги. Не было сомнений - кто-то подкрадывался к нему в ночи. Неспешно, осторожно и вместе с тем неумолимо. Человек или зверь? Он быстро вскочил, одним лишь движением руки выхватив, спрятанный за поясом нож, и направив его в темноту, стал ждать нападения. Как только глаза привыкли ко мраку, он, сделав пару шагов назад, прислонился к стене, желая занять удобную оборонительную позиции. Теперь хотя бы сзади ему ничто не угрожает. Наконец, он смог различать тени и очертания человека. Тот медленно, но верно приближался к нему.

«Дело – дрянь», - подумал он, но в тот, же миг, как это мысль пришла к нему в голову, человек произнес:

- Я с миром! - И, подняв руки вверх, сделал шаг, встав в свете, выглянувшего из-за тучи месяца, чтобы Собиратель мог видеть его и тотчас остановился.

Язык, на котором говорил незнакомец, был пешменский. Он хорошо знал язык гюльнеров, который был схож с пешменским, с разницей, лишь в том, что на месте, где была буква «ж» у гюльнеров, у пешмен была буква «ш». Но он давно не встречал, ни тех, ни других, проведя несколько лет в обществе, то аязов, то неймезов, так что теперь ему тяжело было на слух понимать гюльнерскую речь с таким грубым пешменским акцентом. Она казалась совсем чужой для него. Хотя, что есть чужая речь? Свой собственный язык, он не знал вовсе.

Сам чужак был похож на голодранца. На голове летний якас из старого протертого до дыр войлока, на плечах великоватый грязный дэнгэ, пояс которым был завязан пешменский кафтан был засален и растрепан, и обернут вокруг талии не в четыре раза, как того полагал обычай, а в один и тащился по земле, будто мертвая змея. Кроме того на нем были белые войлочные сапоги с каблуком и вышивкой серан ата, такой вышивкой украшали только свадебную обувь жениха. Заплутавший в пустыне сбежавший со свадьбы жених? Едва ли. Не было и тени сомнения, что перед ним стоит вор, а все вещи, оттого были велики ему и не подходили друг к другу, что были они им украдены, вот только у живых или у мертвых?

- Чего тебе? – спросил он грубо незнакомца.

Пешмен хитро, но миролюбиво улыбнулся. – Два Собирателя всегда могут друг другу что- то предложить. – После этих слов он медленно снял сумку со своего плеча, и, держа ее в одной руке, а другой, указательным пальцем, тыкая в нее, по слогам произнес: - Ме-на. Ме-на.

Собиратель молчал.

Пешмен, решив, что странник его не понял, заблеял сильнее: - Ме-е-е-е-ена, ме-е-е-е-е-на.

Тогда Собиратель, чуть не засмеялся, потому что стал тот похож на спятившую козу, но понимая, что сейчас не время для шуток, он подавил улыбку, и произнес серьезно:

- Я немного знаю ваш язык. Садись, - добавил он, и сам присел, подтягивая ближе к своим коленям сумку.

- Немного? – хитро улыбнулся пешмен. Вижу, бакташи, хорошо знает наш язык. Я Сакишан. А ты? – спросил пешмен, присаживаясь рядом.

Собиратель только махнул головой, в знак приветствия, но свое имя так и не сказал.

Теперь оба сидели друг против друга, ничего не говоря, будто молчаньем примирялись друг к другу.

Первым тишины не выдержал Сакишан: - Я пешмен. Я три дня ничего не ел. Есть ли тебе чем поделиться мой друг.

Собиратель пропустил слова «мой друг» и сразу напрямую спросил: - Что ты можешь мне предложить за еду?

Сакишан порылся в своей дырявой сумке и достал горсть разноцветного стекла. – Бери, - сказал пешмен, и протянул руку вперед. – Девушки любят камни! В Киш – Агчи ты легко продашь их. У Байи живет красивая улка Уйяга, она любит камушки, - и Сакишан по-детски улыбнулся.

Собиратель кивнул в знак согласия, ссыпал аккуратно стекляшки в карман сумки и сунул в руки пешмену кусок вяленого мяса, стараясь не выдать своего интереса, как только услышал упоминание о том, что в селе живет Улка. Всему свое время, главное уметь ждать.

Пешмен с жадностью начал есть и приговаривать: - Вкусно, вкусно, бакташи! Но холодно, а есть ли чем погреться? – заискивающе спросил Сакишан.

- Кизяков нет, - резко ответил Собиратель, и не зови меня «Бакташи», разве ж я господин тебе? Разве ж не равны мы, коли оба посреди пустыни? – спросил Собиратель, пытливо посмотрев на Сакишана, но тот, не обратил на вопрос никакого внимания и снова заблеял:

- Не-е-е-е-т! Не-е-е-ет! Чирк-чирк, - сказал он и показал на зажигательный инструмент, видневшийся в сумке путника. – Есть что сжечь, есть! Чирк-чирк – нет, - и с этими словами он достал книгу из сумки и протянул ее Собирателю, добавив: – Сожги, холодно.

Это было хотя и плохо сохранившееся, но не потерявшая, ни переплета, ни страниц книга Улов.

Собиратель благоговейно взял ее в руки, так что дыхание остановилось. Вот она, забытая реликвия исчезнувшего народа. Он не знал их язык, поэтому буквы для него были не более чем каракули, но сохранившиеся рисунки, были понятны и ему. Истинная ценность в этом мире, окно в прошлое, погребенное под песками времени. Благородные чуть вытянутые лица, изваяния Бога Тетраса, в руках жреца тетрапи, перевернутая буква Т в круге, символ веры улов, и жемчуга и золото, и былое богатство. Он перевел взгляд с рисунка вверх, сколотые края каменных цветов, да рваные раны, осыпающихся стен, вот и все что осталось от былого величия.

- Почему ты не продал эту книгу в Киш-Агчи? – спросил Собиратель.

- Книги не нужны. Книги не продать. Нужны ложки. Есть ложки? – спросил хитрый Сакишан, быстро понявший, что книга для Собирателя, имеет ценность, и вместо того, чтобы ее сжечь, он вполне мог обменять ее на что-нибудь другое.

Собиратель ни минуты не мешкая, достал из сумки два овечьих кизяка.

- А говорил кизяков нет, - засмеялся Сакишан, нисколько не обидевшись на такой обман.

- Что же ты сам не носишь с собой кизяки, ночи уже холодные, в скором времени здесь можно будет околеть от холода? – спросил Собиратель.

Байи шемгена прибрал к рукам всех наших овец. Он сказал, что духи нашептали ему, что в скором времени, ночи станут теплыми, и не будет нужды в кизяках, и мы поверили ему, и продали наших овец, а тех, что не продали, зарезали и съели, но с каждым годом, ночи, отчего-то, становились только холоднее и холоднее, и через пару лет, в этих краях уже было не выжить без огня. А Байи просит теперь за каждый кизяк целых пятьдесят тин, считай целый ар и поклон, и мы кланяемся и платим, и все же мерзнем, и спины наши болят, от унижения нашего. Но самое обидное, что до сих пор мы не знаем: обманули ли нас духи, или, то был Байи, - горько усмехнулся Сакишан.

Собиратель мрачно улыбнулся, но ничего не ответил, и занялся разведением огня. Вверх потянулся неокрепший дымок, а в воздухе запахло сухих и горьким навозом.

Только для пешмена тот запах был сродни запаху горных цветов, и он, вдыхая дым всей своей грудью, казалось, опьянел от тепла и сытости, как от браги. А значит, самое время направить разговор в правильное русло.

- Что ты знаешь об Улах? – спросил Собиратель.

Сакишан, казалось, только этого и ждал, и, облокотившись на свой вьюк, с удовольствием заговорил:

- Храбрый, но глупый был народ, – снисходительно заявил первым делом пешмен. - Столько тысячелетий держали нас в страхе, одолели первезов в трехсотлетней войне, которые кстати, тоже сгинули в небытие, правили половиной мира, и п-п-п-пф, исчезли, - с этими словами он сжал руку в кулак, а потом, расправил пальцы, словно выпускал из сжатых ладоней нечто невидимое в воздух, чей-то бесплодный дух.

- И что же с ними случилось? – нетерпеливо спросил Собиратель. Он слышал эту историю уже добрую сотню раз, от аязов, гюльнеров, неймезов и даже хатуров, и каждый раз эта история, хотя и была неизменна, все же обрастала новыми деталями, и он искреннее верил, что именно в этих деталях и кроется суть случившегося. И собирая по крупицам, по осколкам мозаику истории, тем самым он прокладывал путь, дорогу, что привела бы его к исчезнувшему народу, тому срубленному мертвому древу, последней ветвью, которой был он сам.

- Они могли сражаться только с тем врагом, который стоял перед ними лицом, обнажив меч, но если враг, одевал те же одежды, что и они, и вставал позади них, напевая в уши сладкие речи об их величии, они бы не смогли признать врага своего, даже если б он столкнул их с обрыва. Храбрый, но глупый народ, - вновь подытожил пешмен.

Собирателю были неприятны слова Сакишана, но он с горечью признавал, что именно в этих словах простого пешмена, быть может, и заключена вся правда.

- Великие хитрецы ишманы, знали, как обмануть улов. Вначале они сказали, что за Белым хребтом, там, где горные пики рождают белые, как снег облака, живет чудище, и чудище то, желает поработить их, и собрали они добрую тысячу самых отважных воинов, и увели их в горы. С тех пор о них никто не слышал, и никто не знает, что с ним стало, они просто не вернулись, исчезнув за Белым хребтом навсегда. Тогда Ишманы собрали вторую тысячу добрых воинов, расплавили тетрапи на мечи, продали жемчуга, чтобы купить у хитрых аязов доспехи, сожгли леса, чтобы те не достались чудищу, и снова снарядили улов за Белый хребет, и снова никто не вернулся, и не было больше вестей от них.

Тогда вдовы, обезумевшие от горя стали спрашивать, где их мужи, и Ишманы сказали, что все дело в предательстве. Нижним степным улам напели они, что предатели - улы с верховья, а верхним лесным улам, нашептали, что предатели живут в степях, и ул улу перестал верить. И рознь пошла между ними, а бедные вдовы, так истосковавшись без мужей, стали продавать себя в рабство гюльнерам, те ценили дороже всего их выносливость и красоту. И

так, мало по малу, улы разбрелись по всей Каменной пустыни, растворились в пешменской, неймезской, аязской и гюльнерском крови, но больше в пешменской, - горделиво дополнил Сакишан. - И нет больше великих Воителей, Великих воинов, одни стекляшки, которые я продал тебе, да старая ненужная книга, уж не знаю, зачем она тебе, - произнес пешмен, пытливо взглянув на Собирателя, словно понимал он гораздо большем, чем тот мог подумать.

Собиратель вновь сделал вид, что не заметил хитрый взгляд Сакишана, и продолжил расспрашивать: - Так куда же тогда делись Ишманы? Почему же они не заняли все эти свободные земли? И хотя на них больше нет лесов, и нет пахотного чернозема, что выдул ветер, все же здесь еще можно построить города, - с тоской и надеждой, задумчиво произнес он.

Сакишан хитро усмехнулся: - Ишманы, как клещи, могут жить лишь на чужом теле. Нет порабощенного народа, нет и еды. Вот только они слишком прожорливы, если бы они понемногу сосали кровь, то могли бы сытно жить веками, но нет, не знают они ни в чем меры и ненасытность их не знает границ. Нет им дОстали, пока уже не останется ничего ни на земле, ни на небе. И если б могли они украсть звезды, то выдрали бы их голыми руками с простыни небес, оставив только дыры, и сидели бы мы с тобой, друг мой, сейчас под чернотой беззвездной ночи.

- Так куда же они ушли? Что говорят в вашем племени?

- Ишманы?

- Сдались мне эти нечистые. Куда ушли улы? Я слышал, часть все же скрылась за горным хребтом?

- Не затем ли ты пожаловал в наши края? – спросил Сакишан. Твой кафтан напоминает неймезский абыз, но сам ты не похож на них, - задумчиво заключил пешмен.

А вот расспросы Собиратель не любил, и, узнав все, что, мог узнать, он резко оборвал пешмена:

- Но пора спать, до Киш-Агчи не меньше трех дней пути, надо хорошо отдохнуть, перед тем как двинуться дальше.

Нисколько не обидевшись, на то, что Собиратель так грубо оборвал его на полуслове, пешмен добавил: - Ты прав, ты прав мой друг, если встанем рано, да поторопимся, то можем пройти путь и за два дня. И потом, я укажу тебе дорогу, тебе не надо будет плутать, да и вдвоем идти веселее.

- Буду рад, если ты покажешь мне дорогу, - сказал коротко Собиратель.

- Как же не покажу, за кусок вяленого мяса я тебя до самой Усь – Киши доведу!

И каждый лег в свой угол. Уже через минуту пешмен захрапел, да так гулко и так громко. Уж слишком нарочито.

Собирателя было не обмануть, ему было даже жаль, того, чему суждено случиться в скором времени. Их разговор при костре, и тот факт, что он приломил пищу с таким же путником как он, не мог, не отозваться теплом в его душе. Он был так одинок, что вопреки рассудку, его сердце отозвалась на человеческое участие. Что ж понапрасну, жизнь научила его, не обольщаться. Сколько раз он вот так сталкивался на дороге, с пешменами, неймезами, аязами, гюльнерами, и кем бы они ни были, и как бы ни складывался их разговор, конец был всегда един.

Он сжал еще крепче нож, который был спрятан у него между поясов и абызом, и стал ждать, выравнивая дыхание, как у спящего.

Минута. Две. Три. Ожидание казалось вечностью, он старался не шевелиться, ноги его затекли, когда храп пешмена, как по команде резко прекратился. Он услышал шорох, и звук ползущего, будто змея по песку, тела.

Он ждал. Не время. Пусть хитрый Сакишан подползет ближе. Еще ближе. Казалось, он уже чувствует дыхание пешмена за своей спиной.

Пора! Он резко повернулся и без колебаний, вонзил нож в темноту. Клинок попал прямо в сердце изумленному Сакишану. Последний выдох сорвался с его губ, и жизнь за секунду испарилась из его тела. Пешмен обмяк, и, подогнув под себя колени, повалился навзничь, и когда рука его упала на землю, а пальцы разжались, уронив кинжал, в глазах его уже зияла пустота вечности.

- А ты говорил, что улы не видят врага за спиной, - горько произнес в темноту Собиратель.

После пережитого он знал, что больше не уснет, и, собрав весь свой скарб, и прихватив за одним сумку пешмена, вместе с его оружием, отправился в путь, решив встретить восход солнца в дороге. К тому же, слишком опасно было оставаться здесь дальше, поселения пешмен совсем рядом, а жизнь судя по всем в Киш-Агчи была не следкий мед, так что в окрестностях ходят скорее всего десятки таких как Сакишан, а значит пора было уходить.

Мерный шаг, успокаивал тревожно бьющееся сердце, дыхание становилось ровным, и ночь, вслед за страхом, медленно отступала за горизонт.

Из-за красных гор неторопливо выкатывалось пузатое солнце. Здесь больше не встречались даже кустарники, кругом камни, одни только красные камни, и ни души, будто это и не земля уже вовсе, а красная луна, проматерь той самой серебряной девы, что была ему спутником всю его жизнь.

Пустынный ветер трепал полы его абыза, но Собиратель продолжал упрямо идти против ветра, телом своим, разрезая воздух, как лезвие ножа разрезает только неймезский шелк. Казалось, сама природа не пускает его вперед, тянет за руки своими нитями, но чем тяжелее было идти, чем тернистее был путь, тем тверже была его решимость, тем суровее он сжимал губы, и тем жестче был его шаг, на пути к своему племени.

Кто он без корней своих? Зачем пришел на эту землю? Как узнать куда идти, если не ведаешь откуда пришел? Кто праотец его? И кто его проматерь? Нет, Не будет ему покоя, не в этой жизни, ни в другой, пока он не узнает имя свое. И как знать, что делать его душе, когда не станет его тела? Бродить бесплодным духом по земле, подобно умершему пешмену? Или перерождаться в ворона, как делают гюльнеры? Стать женщиной, в искуплении грехов своих, словно неправедно, живший, неймез? Что делать с его загробной жизнью? Какому Пращуру или Духу ему молиться? Кому подносить дары свои и приносить жертву?

Все эти вопросы теснились в его голове, и ветер, что дул против него, от одной только силы его духа, менял направление, подгоняя его вперед, на поиски своих корней.

И вдруг, в, этом раскаленном до красна мире, пошел черный снег. Сколько всего он видел в жизни, но такого не видел никогда. Протянув ладонь, он поймал несколько черных снежинок, растер их между пальцами, оказалось - зола. По всей видимости, еще вчера, буря, подняла эту серо-черную пыль от сгоревших кизяков в небо, и только теперь, отпустила обратно на землю.

Если бы он был поэт, то непременно что-нибудь прекрасное родилось бы в его голове, но все что пришло ему на ум было: «Киш – Агчи уже совсем близко», и он ускорил свой широкий шаг, плотнее сдвинув селек на лицо, стараясь скрыться от черного снега, что слепил глаза, будто черный буран.

Глава 2. Дом Байи.

Киш-Агчи и шемгеном то назвать было нельзя. Горы, дорога, извивавшаяся руслом реки вдоль ущелья, ветхие жилища, разбросанные в беспорядке по обе стороны от нее и ни души. Но как только Собиратель поравнялся с первым домом, он тут, же услышал хлопок дверью. Посмотрел – никого. Отвернулся - снова скрип, приоткрывающейся двери, повернулся - вновь хлопок, а дверь плотно заперта, будто и не отворялась. И все же, в тот краткий миг, между скрипом и хлопком, он успел рассмотреть пару горящих любопытством детских глаз. Собиратель начал было строить им рожицы, но, по всей видимости, не рассмешил их, а только напугал, раз никто не решился даже выглянуть из мутного окна, и потому он оставил это занятие,

а стал, молча продвигаться вглубь шемгена, под продолжающийся скрип и грохот дверей, уже не обращая на это никакого внимания.

Ни мужчин, ни женщин в полдень в поселении не было. Мужи либо ушли в горы пасти овец, либо промышляли воровством на большой дороге, как Сакишан, а женщины, вероятно, отправились за водой, потому, как в шемгене, насколько ему удалось понять, не было ни речушки, ни озерца, ни даже ручейка. Он встретил также пару коз, привязанных к домам, подобно домашней собаки, и несколько маленьких куч кизяка, вот и все, что нашел Собиратель в Киш-Агчи. Такой бедности он не встречал даже у языков.

Зато дом Байи было найти легко, по самой большой куче кизяков, возвышающихся на целый человеческий рост, выше самого жилища. Вот оно смердящее золото дикого края.

Из овечьего загона, стоящего неподалеку от дома Байи, вышла девушка. Это был первый взрослый человек, которого он увидел в Киш-Агчи. Тяжело было сказать, сколько ей зим, вернее полных лун, потому как пешмены измеряли время не годами, а полнолуниями. На голове ее была повязана растрепанная тюлька, головной убор в виде плетеного обруча из шерсти, который полагалось носить девушкам, еще не выданным замуж, однако, уже достигшим совершеннолетия, наступавшего после двести шестнадцатого полнолуния. Одета пешменка была в мальчишеский кургузый ясык - пешменскую безрукавку, малую ей не только в груди, но и в плечах, да, великоватые шаровары, бурдюком, пузырящиеся, на коленях. Вот и весь наряд девушки.

«И Гюльнерские модницы бы позавидовали», - горько подумал Собиратель, скептически оглядывая девушку.

Подойдя к ней ближе, он заметил клеймо на ее щеке, такое же клеймо он уже видел на заду у коз, пасущихся неподалеку. Значит, девушка была рабыней. Все ее руки были испещрены татуировками, звери и птицы, цветы и деревья, символы и орнаменты, и все это сплеталось в единый ковер на коже от плеча до запястья. Он успел разглядеть только оленя с ветвистыми рогами на правом плече, над которым на ключице, как на тонкой изогнутой ветке, сидела невиданная птица, прежде чем, завидев путника, девушка испуганно, не накинула на себя старый и рваный дэнге, валявшийся неподалеку. Такие татуировки не носили ни пешмены, ни гюльнеры, ни даже кочевой народ - хатуры, да и никто из людей, которых он встречал, не носил столь изысканный рисунок на теле. Что ж, не плохо бы узнать, кто она, и откуда. Вдруг эта ниточка приведет его к Улам.

- Дома ли Байи, прекрасная аги? – спросил он, подходя ближе к рабыне. Казалось, девушка даже не дышит, она лишь, напряженно смотрела снизу вверх на путника, по всей видимости, решая, как ей быть, бежать, или остаться.

Глаза ее были темны и пронзительны, и напоминали волчьи ягоды, что растут в самых диких местах, где даже хищные звери спят лишь с одним закрытым глазом.

Ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не одно но. Тяжелый труд, ветер, песок и солнце состарили ее, превратив в юную старушку, минуя зрелость. Этому цветку не суждено было расцвести в этих суровых местах.

- Не бойся меня, я с миром, - добавил он, видя в ее глазах страх вперемежку с восхищением. Он привык к такой реакции у женщин. Где бы он ни был, и какая бы девушка или женщина перед ним не стояла, неймезка ли, пешменка ли, или аязка, он ловил на себе их жаркие и откровенные или оброненные украдкой, наполненные истинно женским интересом взгляды. Конечно, ему это льстило, и он даже гордился этим, но неизменно напоминал себе в эти минуты самолюбования, что в этом нет никакого толка, по крайней мере, здесь в пустыне.

Рабыня, опять ничего не ответила, но устремила на него пытливый взор, стараясь понять, что в голове у этого странного незнакомца. Так смотрит дикая косуля, чуть наклонив голову и прислушиваясь к каждому шороху, к каждой опасности, что таится в лесу.

- Я не обижу тебя, я Собиратель, принес вещи на мену. Чего молчишь? Дома ли Байи?

Вновь ни слова в ответ.

- Долго ли ты будешь стоять вот так? Твой хозяин не будет рад, если ты упустишь редкого гостя в этих местах, - с улыбкой произнес он.

Опять в ответ тишина. В душе он уже начал сердиться, но виду не показал, и решил завести разговор с другой стороны.

– Как тебя зовут, прекрасная, аги? – спросил он ласково и улыбнулся.

- Хозяин зовет меня ИнгА, - неожиданно на ломаном пешменском произнесла рабыня, и неумело улыбнулась ему в ответ. Улыбка эта похожа была на улыбку в зеркало. Стало понятно, что девушка не привыкла улыбаться, и, глядя на улыбку путника, попыталась скопировать ее в ответ. Так копируют жесты ребенок за взрослым, неумело, и нелепо, но с большим рвением и любопытством.

- Инга-а-а-а, - словно пробуя на вкус ее имя, протяжно произнес Собиратель, - Ин-га-цветок пустыни на неймезском, значит девушка все таки неймезка, - подумал он про себя, хотя и не была она похожа на неймезку. - Дома ли Байи? Мне есть, что ему предложить, – и с этими словами он потряс в воздухе большим мешком.

ИнгА махнула головой в знак того, что поняла, о чем речь, и жестом показала ему идти за ней.

Подле двери, ведущей в дом Байи, стояла тарелка. В ней лежали подернутые мертвой пеленой овечьи глаза и бараний язык. Подношения для духов. Пешмены верили, что после смерти дух человека остается на земле, и чтобы видеть и общаться друг с другом и с живыми людьми, им нужны такого рода подношения, и потому они оставляли их у порога, чтобы не потерять связь с предками. Был в этом и корыстный умысел, пешмены, ждали от духов помощи, ждали что те, прожив на земле свою жизнь, и пространствовав духом десятки, а то и сотни лет, увидели и поняли больше, чем они, и теперь с высоты своего опыта, могут указать живым верный путь, и помогут сделать правильный выбор. «Без прошлого нет будущего», так говорили пешмены, и Собиратель был в том с ними согласен. Но если же, умершему пешмену хотели отомстить, в мертвый его рот они накладывали камни, и тогда дух его навечно замолкал и никакой бараний язык уже не помог бы ему вновь заговорить.

Вот только рядом, возле миски с овечьими глазами и бараньим языком кружили не духи, а верные спутники смерти - черные мухи в своих перламутровых дэнгэ, но никто не считал их, ни священными, ни даже красивыми, хоть и блестели они радугой на солнце подобно камням, что принес Собиратель на мену, но все лишь отмахивались от них, потому как знали их гадкую сущность - любовь к падали.

Внезапно подул ветер, и десятки колокольчиков зазвенели по всей деревни в этой зловещей каменной тишине.

- Подожди здесь, - кратко сказала Инга, и зашла в дом, но уже через минуту вышла, приглашая Собирателя зайти внутрь.

Роскошная бедность ждала его внутри. Куски тканей, перья ворон, раскидистые рога диких коз, и плотно закрученные в круг рога барана, великолепный ковер цвета охры, с вытканными ланями на пастбище, а в конце комнаты большой прямоугольный стол, и Байи, на огромном стуле, будто на троне, во главе своего царства. Надо сказать, что деревянные столы и стулья считались роскошью даже у зажиточных гюльнеров, чей быт, был близок к цивилизованному, потому как на земле осталось так мало деревьев на равнине, и леса, были в таких недоступных для человека местах, что будто и не существовали вовсе.

- Давно к нам не забредали гости! – радостно воскликнул он. Не лишенный тяги к прекрасному, судя по убранству дома, он испытывал неизмеримую тоску от прозябания в этой глуши, где было не с кем обменяться и парой слов. – Инга , накрывай на стол! – крикнул Байи, обнимая Собирателя, словно был он его блудный сын.

- Рассказывай же, что видел, где бывал, что принес нам, для мены! – тараторил пешмен, не обращая внимание, на растерянность Собирателя, который, впрочем, не стал сопротивляться, и дал увлечь себя Байи за собой.

Из другой комнаты вышла жена Байи. Собирателю было и одного взгляда достаточно, чтобы понять, что перед ним стоит не улка, а аязка, с полупрозрачными и бесстыжими, как у дикой кошки глазами.

- А это моя любимая жена, Уйяга, - представил ее Байи.

- Как давно у нас не было гостей, мы так оторваны от этого мира, в этом диком месте, что до нас не доходят ни вещи, ни даже новости. И даже ветер, тот еще сплетник, шепотом своим не рассказывает нам, что там в Каменной пустыне, - напевно проговорила Уйяга и в ее глазах загорелся огонь, уже знакомого Собирателю женского интереса, но тут, же изменилась в лице, повернувшись к служанке, стоявшей в дверях, и резко произнесла: - Подай нам рыбу и принеси браги. Да поживее!

Поймав на себе колкий взгляд Собирателя, Уйяга, тут же начала оправдываться, хотя ее о том и не просили:

- Ленивая неймезка, отец проиграл их с сестрой в кости Эйдану, который держит невольничий рынок в Усь-киши. Ту, что покладиста и милее лицом, купил мой брат в соседней шемген, а вторую взяли мы, думая, что раз уж природа обделила ее красотой, то наградила ее трудолюбием, но если уж кровь испорчена, то толка не будет ни в чем.

Собиратель никак не отреагировал на сказанное, не его было дело наводить порядки в чужих домах, тем более, то была не первая несправедливость в жизни, которую он встретил, да и не последняя.

- Но я совсем позабыл приличия, не спросил имени, но озадачил вопросами, - засмеялся Байи.

Собиратель не любил, когда его спрашивали об имени. Он готов был говорить о том, что видел и где бывал, хоть до ночи, но называть себя никогда не желал. И не потому, что было его имя священно, или он его стыдился, а потому, что имени своего он не знал.

- Зовите меня Собиратель, Бакташи, Байи, я так давно странствую, что уже и не помню, как звала меня моя мать, и как окликал отец. Тот Собиратель, которому я был отдан в услужение в детстве, звал меня «Крепыш», но такое имя подходит лишь ребенку, и коли и я стал теперь Собирателем, как был Собирателем мой хозяин, то решил я, что и звать меня надо не по имени, а по роду моего занятия – Собиратель.

- Что ж, возражать не буду, мы здесь так далеко от всего, и никто нас тут не видит в глуши, что мы можем звать здесь себя так, как хотим, и быть тем, кем хотим, потому как нет у нас здесь ни хозяина, ни господина, кроме неба и солнца над нашей головой.

- Мудрые слова Байи, мудрые, - согласился Собиратель, хотя перед его глазами, всплыла бедная служанка с клеймом на щеке. Выходит, все же, и здесь, на самом краю земли, есть и рабы и их хозяева, и все здесь, как и везде, и нигде нет свободы человеку, - подумал Собиратель, впрочем, без грусти, а так как он думал о любом предмете в этой жизни, будь то камень, или озеро, словом, обо всем, что есть в этом мире, и не находится в его власти.

Все сели за стол, и он, взяв свой большой мешок, высыпал содержимое прямо перед Уйягой, точно зная, что именно она, решает как тратить деньги в доме Байи. Вошла Инга, с большим кувшином полным браги. Собиратель помнил те диковинные картины на ее руках, и хотя, руки ее были теперь укрыты тем самым мужским дэнгэ, он нет-нет, да и поглядывал в ее сторону, надеясь, вновь увидеть те странные и загадочные татуировки. Когда пришло время наливать ему браги, Инга, наклонившись, ненароком уронила на его плечо свою тяжелую черную, плотно сплетенную косу. Он вздрогнул от этого почти интимного жеста, и, взглянув на нее, поймал ее любопытные темные и бархатные, как пустынная ночь глаза.

Их интерес друг к другу не скрылся от зоркого взгляда хитрой Уйяги. Она с ненавистью и ревностью посмотрела на рабыню, и резко крикнула: - Ступай в загон и покорми овец, я сама подам на стол.

Инга покорно наклонила голову, и исчезла так же бесшумно, как и появилась. До вечера он не видел больше рабыню, и даже выбросил ее из головы, но правда была в том, что судьбы их уже были сплетены на небе навечно, хоть и не знал Собирателем об этом, да и никто об этом не знал.

За столом правила Уйяга, она подносила еду и разливала брагу, брага была на основе сброженной сыворотки, оставшейся от маслобойни, и имела до того несносный и злой запах, что приходилось не дышать, перед тем, как выпить. Собиратель заметил, что ему Уйяга наливала совсем по чуть-чуть, тогда как стакан Байи не бывал пуст и минуты. Коварная Уйяга опаивала мужа, видимо, имея свои планы на Собирателя.

К тому времени как Уйяга принесла налима, чей мутный глаз смотрел на этот мир в последний раз, Байи уже был изрядно пьян, но ум его был по прежнему ясен и чист, хотя язык порой и заплетался на самых простых слова:

- А пл-а-ардва, тьфу, правда, ли, что гюльнеры топят жилища свои о трех этажах кизяками яков? – спросил Байи.

- Правда.

- И что запах от них до того тонкий и приятный, что похож на ладан?

- И это правда.

- А тепло мя-я-я-ягкое, и дымок такой то-о-о-о-онкий, и блестит серебром, а горит и не сгорает, и гореть один кизяк, может так целую неделю?

Собиратель засмеялся, - а вот это уже выдумки, горит не лучше овечьего, - и с этими словами он достал из сумки ячий кизяк и протянул его Байи, на пробу.

Байи с благоговением поднес его к носу и вдохнул в себя запах двумя ноздрями так сильно и так глубоко, что даже закашлялся, от навозной пыли, затем сунул кизяк в нос Уйяги, но та лишь поморщилась, и с хохотом отстранилась, метнув, в ту же секунду, свой цепкий взгляд в сторону Собирателя.

Нанюхавшись вдоволь Байи, выгреб из печи остатки золы от овечьих кизяков и положил туда ячий. Через несколько минут помещение и впрямь стало заполняться пряным густым запахом чуть запревших сладко-горьких трав предгорья.

Затем Байи, той же рукой, которой только что держал навоз, принялся за рыбу, и все говорил, и говорил о кизяках, и не было ни конца ни края этому рассказу.

Собиратель слушал Байи молча, а про себя все это время думал: как же грустен мир, где все вертится вокруг дерьма.

Но, он сюда пришел, не за тем, чтобы грустить, да думать, этим можно заняться и в пустыне, здесь у него были свои цели, и медленно, но верно, он начал поворачивать беседу в нужное для него русло.

- Говорят, прекрасная Уйяга, в вас течет кровь улов?

- Это так…, - ответила Уйяга с притворной стыдливостью и снова посмотрела на него своими кошачьими бестыжимы глазами.

- Говорят где-то еще остались их поселения глубоко в горах? Так ли это?

- Сказки, - заключил Байи. – Нет их, все давно вымерли или растворились в других племенах. Говорят, нет пешмена, в котором, бы не текла кровь ула. Да что пешмена, говорят, нет на земле человека, в котором бы не текла кровь ула, живет ли он на этом берегу, или на том, в нашем ли мире, или в загробном.

- Но я слышал о Золотом городе, и о дороге Красной змеи, что ведет к нему, - настаивал Собиратель.

- Даже если это правда, в чем я сомневаюсь, дорога Красной змеи и весь Львиный хребет во власти яканов. Они ни дня в своей жизни не занимались ни возделыванием земли, ни скотоводством, все, что они знают, лишь как убивать и отбирать. Веками они живут набегами на наши села, и если даже на равнине, бывает тревожно, то, что говорить, о тех местах, которые испокон веков являются их домом. Не стоит совать туда свой нос, ни мне, ни тебе, говорю это, потому как ты мне нравишься, умный, но глупый Собиратель.

- Но если, то место, назвали дорогой, значит по ней можно пройти. На то дорога и существует. К тому же если есть дорога, значит, она куда-то ведет, а иначе, та дорога звалась бы обрывом. Не так ли, Бакташи? – И, не дождавшись от него ответа, продолжил: - И все же, мудрый Байи, что вы слышали об этом? Доходили ли до вас слухи, что Золотой город лежит за Львиным Хребтом, - не унимался Собиратель.

- Говорят, - подтвердил Байи, сдавшись под натиском гостя, - но только никто его не видел. А даже если находился смельчак, или глупец, что, по моему мнению, равно, кто решился отправиться туда, того больше уже никто не видел, потому как никто не возвращался из этих мест. Я живу так: если я могу видеть что-то и потрогать, вот так, как сейчас мою Уйягу, - и он с этими словами шлепнул ее по спине, так что аязка чуть не опрокинулась со стула, - то оно есть, а когда мне говорят, там за горой, есть город Золотой, то его нет для меня, как нет для меня загробного мира, потому как не бывал я там, а кто там бывал, оттуда не возвращался. Я спросил тебя о том, правда ли, что кизяки яков пахнут ладаном, и ты сказал да, но я тебе не поверил, однако же, когда ты достал его, и мы сожгли его в печи вдвоем, и вся комната наполнилась цветами и травами предгорья, только после этого я тебе поверил. Так и здесь. Никто не видел этот город, ни один пешмен из Киш-Агчи не бывал там, ни один заезжий гюльнер или неймез или аяз, никто не бывал там, а значит города того и нет.

- Но если бы он был, значит ли это, что он бы лежал за Львиным хребтом? - гнул свое Собиратель.

Байи засмеялся, - а с виду умный, - если бы он был, то он был бы только там, потому как дорога Красной змеи, единственная дорога, что ведет в ущелье. Но если надумаешь идти туда, и даже если не погибнешь сам, то тебя убьют яканы, и когда тебя не станет, приходи ко мне снова духом, позвони в колокольчик и я вынесу тебе тарелку с овечьим языком, и мы поговорим с тобой, как говорим с тобой сейчас. Ведь до того мы с тобой славно сидим…

После этих слов, стало видно, что Байи начало клонить в сон, он выпил не меньше десяти стаканов браги, и Собиратель дивился, как тот еще сидит на стуле и не падает.

Он и сам уже порядком устал, и был не против, лечь отдыхать, но пешменский обычай не позволял ему встать раньше хозяина дома, это было бы самым обидным оскорблением, так что он терпел, терпела и Уйяга, все чаще бросая на него свои похотливые и откровенные взгляды - стрелы.

Наконец Байи с трудом встав, торжественно произнес:

- Но мне пора в постель, где Уйяга согреет меня своим жаром костра, - засмеялся он. - Я слишком пьян, чтобы расплатиться с тобой не в ущерб себе, поговорим с утра об оплате. Вдруг Уйяга, передумает брать безделушки, - подмигнул он жене.

Та фыркнула в ответ, ясно давай понять, что не бывать этому.

- Соглашусь с вами, Байи, но мне многого не надо, я беру только справедливую цену за свое добро, немного сушеного мяса, и немного кизяков, но об этом завтра, - обронил Собиратель.

- Выходит, неспроста, ты спрашивал про дорогу Красной Змеи?

Собиратель ничего не сказал в ответ. Тогда Байи обратился к жене:

- Скажи Инге, чтобы постелила ему самое лучшее войлочное одеяло, ведь коль он решил отправиться за Львиный хребет, значит это его последняя ночь.

- Я сама постелю гостю, - вызвалась Уйяга.

- Нет, - резко отрезал Байи, - пусть Инга постелит Собирателю, а ты пойдешь со мной, и он грубо дернул ее за руку.

Та, впрочем, не стала противиться мужу, хотя глаза ее горели гневом, и оба они ушли в хозяйскую спальню.

Собиратель остался в комнате один, за окном завывал ветер, начиналась буря, и сотни колокольчиков в селении пешмен снова звенели на все лады, и как тут не поверить в существование духов, ведь это место гораздо больше приличествует умершим, нежели живым. Что здесь делать, если в твоих венах все еще струится кровь? Но если тело твое песок, а душа твоя эфир, летай по просторам, звени в колокольчики целую вечность, не тот ли это рай, о котором говорят старинные легенды? Или может это тот самый ад? И не разберешь в этом темном Каменном мешке.

Вошла Инга, снова в своем кургузом ясыке без дэнгэ и в шароварах. И когда она сдвигала вместе две скамьи и когда стелила ему постель, не поднимая глаз, он смотрел лишь на ее тонкие руки испещренные рисунками, где лани путались в травах и цветах, устремляясь к солнцу. Но самым интересным было изображение неземного существа с головой орла и телом льва на ее тонкой ключице, которое он ошибочно принял за птицу. Его цепкие когти держали солнце, а змеиный хвост свой он прятал на ее груди, словно в облака.

Собиратель грубовато схватил за запястье рабыню, так, что та, даже вскрикнула. Но он, не обращая на нее никакого внимания, вывернул ее руку и задрал ей ясык, чтобы лучше видеть рисунок, не заботясь о ее чувствах.

- Кто это? – спросил Собиратель, тыча пальцем в существо с головой орла и телом льва.

- Ты мог бы просто спросить меня, не причиняя боль, - дерзко ответила рабыня, и выдернула руку из его пальцев.

- Для рабыни, ты слишком смелая, - усмехнулся Собиратель.

- Я была свободной, свободной и остаюсь.

- А несколько часов назад, казалось, ты толком и не говоришь на пешменком, а теперь я слышу такой чистый язык, будто ты сама родилась в Киш-Агчи, - засмеялся Собиратель, дивясь ловкому обману рабыни, - Но Никто не свободен, Инга. Ни ты, ни я, ни тем более ты, - и с этими словами он ткнул пальцем уже в клеймо на ее щеке.

Инга стояла не шелохнувшись, сотни чувств обуревали ее в тот момент, и гнев, и любопытство, и страсть, и ненависть, как вдруг, звенящую в воздухе тишину, нарушил громкий протяжный не то рык, не то вой собаки, будто то самое мифическое существо с телом льва и головой орла с ее руки, стоящее пред вратами иного мира, ожило, и голосом своим, встречало и грешников и праведников перед ним.

- Байи захрапел, - давясь от смеха, сказала Инга, и отстранилась от Собирателя.

- «Момент упущен», - подумал Собиратель, впрочем, без лишних сожалений, за годы скитаний он научился не брать к сердцу ничего, что происходит вокруг, ни прекрасное, ни ужасное.

Инга провела, последний раз рукой по постели Собирателя, разглаживая одеяло, и произнеся нарочито подобострастно: - Доброй ночи, Бакташи! - Погасила, фитиль, смоченный рыбьим жиром, и исчезла в ночи.

Темнота легла на дом Байи, ветер смолк также неожиданно, как и начался, и только рык мифической существа из спальни, нарушал тишину мертвой ночи.

Собиратель лег на спину. Он всегда так делал, перед тем как уснуть. Немного размышлений, чтобы упорядочить целый день образов и картин, теснящихся у него в сознании это то, что было ему сейчас нужно. Жизнь его был так переменчива, и так непостоянна, едва ли дважды он бывал в одном и том же месте, и эта жизнь небесно-земного калейдоскопа, требовала от него неимоверных усилий, чтобы разум его оставался чист и не утонул в водовороте всего, что он видел, слышал, и чувствовал.

Как вдруг, скрипнула дверь, ведущая из спальни в кухню, где лежал Собиратель, затем шорох ползущего, как змея, по полу шелкового дэнгэ и невесомые женские шаги. Он знал, еще за столом, что она придет к нему, он видел это в ее глазах. И живя по принципу, дают – бери, бьют - затаись, и убей, решил, что если эта ночь, дает ему утешение, то было бы глупым отказаться от этого.

И в тот же момент, как он решил для себя, не противиться, он почувствовал жаркие губы Уйяги на своих губах, и тело ее нагое и только неймезский шелк поверх него. И жар, тот жар, который исходит только от горящего дерева, и женщины, объятой страстью. Зазвенели колокольчики, и заскрипела скамья, и весь в дом, и все вокруг, словно поймало ритм любви, в этой каменном мешке ночи.

Когда все случилось, а Уйяга, все еще лежала, распростертая на нем, он почувствовал ее дыхание около уха, и шепот, словно тысячи змей, начали ползать под той скамьи, где они все еще лежали оба нагие.

- Уб-б-б-б-уей Байи, и стань Байи шемгена, а я буду твоей женой, - прошептала Уйяга, сплетая руки вокруг его шеи.

Такого Собиратель не ожидал.

Он грубо скинул ее с себя, так что, она со стуком, свалившегося горшка, упала со скамьи на пол.

В звенящей тишине шепот ее был шипением гремучей змеи:

- Грязный Ишак! Ты пожалееш-ш-ш-шь об этом. Я убью тебя и набью твой рот камнями!

- Ты, видимо, выпила слишком много браги, прекрасная Уйяга, - спокойной произнес Собиратель. – Но ничего, считай, что я не слышал твоих слов. Ступай, поспи, милая Уйяга, а утром, все случившееся будет просто сном. Я ничего не слышал, а ты ничего не говорила. На этом и порешим.

Он видел в ночи ее горящие гневом, как у черной кошки, глаза. И если бы он больше знал женщин, то не поступил бы так, но он был мужчина, и потому, был без повода самонадеян, не ведая, что хитрость, всегда побеждает силу.

Уйяга ничего больше ему не сказала и словно змея бесшумно уползла в ночь. Собиратель остался один, и устав, от любви, и долгого дня, уснул в один миг, под похожий на рокот грома храп Байи, не зная, что несет ему кровавый рассвет.

3. Кровавый рассвет.

Кто-то дернул Собирателя за руку, он проснулся, но сон его был так глубок, что уже через мгновение он вновь погрузился во тьму. «Все-таки я выпил слишком много браги», - успел он подумать сквозь пелену сновидений, как вдруг кто-то, видимо, потеряв терпение, начал грубо, и бесцеремонно тормошить его из всех сил. Собиратель с трудом разомкнул глаза. Повернул голову влево, затем вправо. Ничего. Только темнота.

- Уйяга, это ты? – спросил он куда-то в ночь.

Чья-то шершавая и загрубелая женская рука закрыла ему рот. В воздухе разлился запах козьего молока, овечьей шерсти, уюта и домашнего очага. Нет, это не Уйяга, от нее пахло мускусом кабарги, разрядом грома и злом, - подумал про себя Собиратель.

- Иди за мной, если хочешь жить. И ни слова! – прозвучало сдавленным шепотом где-то над самым его ухом.

«Инга!», - воскликнул про себя Собиратель. Наконец, узнал он ее голос и запах. К своему удивлению, он с легкостью повиновался ей, и, не произнося ни слова, уже через минуту, позволил Инге увлечь себя за собой.

Глаза стали привыкать ко мраку, и вот уже Собиратель различал очертания девушки, идущей перед ним, и скудную мебель в большой комнате, и даже куски материи, развешанные по стенам. Но все еще было темно, как на дне пустынного колодца, а значит далеко до рассвета.

Сколько он спал? Час? Два? Голова трещала от выпитого, и потому, он с трудом собирал осколки воспоминаний вчерашней ночи в единое целое: Байи, Уйяга, ее жаркие объятия, и, прозвучавшее, зловещим шипением змеи в ночи: Убей его, Уб-е-е-е-е-ей.

Неожиданно для себя он понял, что Инга привела его в комнату Байи. Зачем? Он ничего не понимал, тревога, замешательство, голова вновь застонала, он вспомнил запах браги и его нестерпимо затошнило. Внутри начало разрастаться раздражение, он уже хотел выдернуть руку из цепких пальцев Инги и уйти, до того ему надоел это грязный пешменкий дом, как вдруг она резко одернула его, заставляя склонить голову над изголовьем кровати Байи.

Только сейчас он понял, что тот лежит в странной позе, откинув руки за головой, и согнув обе ноги в коленях, будто затаился и готовится к прыжку, однако же, при этом не издает ни звука. Где же тот самый рык мифического зверя? Тишина. Нет даже мерного сопения надравшегося в стельку пьяницы.

Инга откинула тряпку, застилающую единственное окно в комнате, и в спальню проник мутный свет ночи.

Байи лежал с широко открытыми глазами, раскинув руки над головой, пальцы его были скрючены, как ветви мертвого дерева, ноги же подогнуты, как его корни. Не было и тени сомнений, что Байи покинула жизнь, и только поняв это, Собиратель увидел, что горло его перерезано от уха до уха, а темные пятна вокруг, есть ни что иное, как его кровь.

В ту же минуту Собиратель понял все. И то, как Уйяга поила мужа, и его самого брагой, сама же не пригубив при этом ни капли, и ее цепкие объятия, и щедрость, с которой она отдавалась ему, и гневное проклятье в конце: - Ты об этом пожалеешь … пожалееш-ш-ш-шь, пожале-е-е-еш-ш-ш-ш-шь!!!

«Она подставила его!» – услышал он свой собственный крик в голове.

Собиратель тотчас метнулся на выход из спальни.

На ощупь он нашел в темноте свои сумки, лихорадочно начал собирать то, что выпало невзначай, ругая себя при этом за беспечность. Но, лучше самобичеванием он займется потом, надо было убираться отсюда как можно скорее, пока не стало слишком поздно и не пришлось бы ему вот так же, скрючившись лежать рядом с Байи.

- Стой! – прошипела Инга, хватая его за руку. - Уйяга отправилась к дозорным, охраняющим шемген. Может она еще на полпути туда, а может они уже на полпути сюда. Ты не успеешь уйти от них, они знают местность лучше тебя.

- Я успею! – свирепо воскликнул Собиратель, – ему ни секунды не хотелось оставаться в этом дурном и черном месте.

- Глупец! – воскликнула раздраженно Инга, у них есть лошади! Ты не успеешь сделать и шага, как они растерзают тебя!

- Что ты предлагаешь? - Раздраженно спросил Собиратель.

Сейчас в этой ночи, они стояли друг против друга, как давние супруги и ссорились, будто бы о том, что кто-то пролил молоко из кувшина.

- Я спрячу тебя в овчарне, за кизяками, а сама скажу, что ты ушел по дороге Красной змеи. А когда они уйду на твои поиски, так далеко, что возвращение их займет ни мало времени, ты выберешься и уйдешь под покровом ночи, так, что даже луна не узнает об этом.

Собиратель усмехнулся: - с чего тебе быть доброй ко мне?– И он, грубо взял ее за лицо, поворачивая той стороной щеки, на которой было клеймо. – Рабыня, - добавил он. – Не из доброты ли? Уж я насмотрелся на доброту в этом проклятом доме, - зло кинул ей прямо в лицо Собиратель.

- Конечно, нет, - фыркнула Инга, и дернулась, так что его рука, повисла в воздухе, как одинокий канделябр на стене жилища гюльнеров.

- Так что тебе нужно взамен? – не унимался Собиратель.

- Это станет не важным, если мы не поторопимся, - раздраженно заявила Инга, и, вцепившись, как коршун когтями в его руку, потащила на выход.

Там на горе, в кромешной тьме, хотя еще далеко, но уже близко, были видны горящие факелы воинов, спускавшихся в ущелье, по всей видимости, чтобы расправиться с убийцей - Собирателем.

- Быстр-р-р-р-рее, - шепотом скомандовала Инга, таща Собирателя, как глупого и упирающегося яка.

Он и сам, будто оглупел в одночасье, и теперь давал себя вести за собой, как скотину, незнакомой ему рабыни. Конечно, можно было бы все объяснить ее неймезскими чарами, но он догадывался, что дело было в том, что Уйяга добавила в брагу дурной травы, отчего он, теперь стал безволен и бессилен, как новорожденный ягненок. Может поэтому он и отдался ей этой ночью так легко и без боя, словно слабовольная девица, а может он хотел верить в это, что его опоили, оправдывая тем самым свою наивность и беспечность, которая могла ему стоить жизни.

- Коварные женщины, - чертыхался про себя Собиратель, распространяя свою неприязнь с Уйягу на, ни в чем, не повинную, Ингу, да и на весь женский род в целом с этой злополучной ночи.

В загоне не пахло, а смердело навозом, тошнота подкатила к горлу, как будто застрявший там кусок черствого хлеба, который он хочет, но не может, ни выплюнуть, ни проглотить.

Среди грязно-молочных спин овец, Инга продвигалась так ловко и так изящно, как если бы нож резал гладкое масло.

И он, большой и неуклюжий, шел за ней, отчего то, натыкаясь то на их рога, то на зады, и гремел своими костями, как гремят ржавой посудой в тесной кухне.

В углу овечье загона лежала гигантская куча кизяков, уже высушенных, и плотно и ловко сложенных почти до самого потолка, так что между ними не было и просвета, как если бы это была каменная стена.

- И как я должен в них спрятаться? – скептически спросил Собиратель.

Инга, пропустила вопрос Собирателя мимо ушей, и, схватившись двумя руками за дыру между кизяками, отодвинула часть, как если бы это была самая настоящая дверь.

- Лезь, - резко приказа Инга, но увидев, что тот стоит, и даже не собирается двигаться, видимо все еще не доверяя ей, решила, что все же в ее же интересах, зародить хотя бы крупицу доверия к ней в это хотя и большое и сильное, однако же, по-мужски глупое создание.

- Рабыня здесь лакомый кусок для мужчины, у нее нет прав, так что каждый пешмен в шемгене, может взять ее, если на то будет его воля, конечно, надо попросить согласие хозяина, но, Байи был щедрым человек, так что, чтобы сохранить себя, я должна была найти то, место, где бы меня не смогли бы найти, пока не забудут обо мне или пока не найдут кого-нибудь другого...

- Ты здесь пряталась?

Инга, кивнула, и одного этого было достаточно, чтобы он без слов, залез в дыру.

Было тесно, пахло так, что первое время он старался не дышать носом, а дышал только ртом, правда надолго его не хватило, и пришлось, примириться с этой вонью, к счастью скоро он даже к ней привык и даже перестал чуять ее и вовсе.

Инга заложила проход, а в маленькую дыру между кизяками, как в слуховое отверстие произнесла:

- Я направлю их по ложному следу, а как только они уйдут на безопасное расстояние, приду за тобой.

- А мои сумки? – спохватился Собиратель.

- Я спрячу их. Не волнуйся.

Он хотел было спросить ее об Уйяге, но Инга уже ушла, и, поняв, что ждать ему предстоит не мало, решил устроиться поудобнее.

Тайник был устроен как раз только для тонкой и невысокой Инги , так что ему пришлось сложиться в три погибели. Он просидел не больше получаса, а ноги его уже затекли.

Он попытался повернуться, не тут-то было. Еще раз - стало даже куда менее удобно, чем было. И ночь будет длиться вечность, - подумал Собиратель и грустно вздохнул.

Правда было и хорошее, он обнаружил в стене дырку, выходит это был не только тайник, но и наблюдательный пункт.

Через отверстие был хорошо виден дом Байи, пусть и не с крыльца, но с боку, а значит, от него не ускользнет, ни тот, кто выходит из дома, ни тот, кто туда заходит.

Несколько раз в темноте промелькнула тень Инги.

И вновь пустая темнота.

Правда ему стало куда спокойнее, кроме того, мало-помалу, из головы выветривалась брага. Сознание ясное, и четкое, вновь возвращалось к нему, и он был тому несказанно рад.

Небо начало красней и желтеть от горизонта к макушке, и тени сполохи, стали напоминать, тех причудливых ланей с ковра цвета охры из дома Байи. О, этот ковер он не забудет никогда. Он будет еще долго, ему снится в самых страшных кошмарах и в самых зловещих снах.

Послышались голоса, речь было не разобрать, но он различал плач и крик Уйяги, или ему так только казалось. При мысли о ней, злость и ненависть жаром разлилась в груди, и он непроизвольно сжал в кулаки ладони, а желваки его заходили по скулам. Правда заключалась в том, что злился он скорее не на нее, а на себя, что за столько лет скитаний и странствий, видев, так много по миру, так и не научился до конца владеть собой. Нет, этот урок, он усвоит в совершенстве, если, конечно, выживет.

Толпа мужчин появилась перед входом в дом Байи, и в центре них Уйяга, она выла и причитала, то взмывая руки вверх, то падая ниц, то рвала на себе волосы, то каталась по песку. Рубашка ее была разорвана на груди, так, что перед глазами воинов, то и дело мелькали куски ее белого тела и полные груди, сбивая их с толку и лишая рациональности разум. Уйяга знала, что делала.

- Вот бы в хатурский театр такую чудесную актрису, - подумал Собиратель, даже присвистнув от удивления.

Вдруг выбежала Инга, она не хуже Уйяги начала бесноваться в горе, то и дело, указывая в сторону дороги Красной змеи. Он не мог различать ее слова, но по жестам, понял, что она как и говорила, вела их по ложному следу.

Уйяга раздосадованная, что мужчины переключили свое внимание на Ингу, подбежала к ней и начала гневно трясти ее за плечи, так что та почти упала на камни, закрывая руками лицо, потому как Уйяга направо и налево начала раздавать рабыне тумаки и затрещины.

Но Инга была непреклонна, и, несмотря на боль, неизменно и верно указывала только на север, туда, где пролегала дорога Красной змеи.

Наконец Уйяга, выбилась из сил, устав от самой себя, и от того театра, что она разыграла. К счастью к тому моменты мужчины уже полностью уверовали в ее слова и были полны решимости отправиться следом за гнусным убийцей их хозяина Байи, чтобы поймать и убить его, с той жестокостью, с которой только могли это сделать. Сомнений в ее словах ни у кого не возникло, до того убедительны были ее молочно-белые груди.

Полдень. В овчарне становилось все жарче и жарче. Он хотел пить, и жажда с каждой минутой одолевала его все сильнее и сильнее. Казалось, из ниоткуда прилетели мухи, и начали досаждать ему, целясь то в рот, то в глаз, то залезая в самые ноздри. Отмахиваться от них было неудобно, так что он, то пытался дуть на них, то корчил рожи, чтобы избавиться их спугнуть. Представив, до чего у него сейчас смешной вид, он едва не засмеялся, но быстро спохватив-

шись, что может выдать себя смехом, начал бороться с назойливыми насекомыми с удвоенной силой.

В овчарне скрипнула дверь. Воюя с мухами, он перестал смотреть в дозорную дыру и пропустил тот момент, когда Инга вышла из дома. А вдруг это была не Инга? Опасаясь худшего, Собиратель затих, перестав даже дышать, отчего те самые навозные мухи мгновенно облепили его лицо, будто он самый свежий и добротный кусок овечьего кизяка.

- Я принесла тебе попить, - услышал он шепот Инги, и с облегчением выдохнул, попутно сбивая мух на своем лице.

Она сунула ему в щель, полный воды, мешок из цельной шкуры козы и кинув:

- Вернусь ночью, - больше не сказав ни слова, ушла, плотно закрыв за собой дверь.

Сделав пару глотков, он сразу же прильнул к дыре в стене, чтобы увидеть как Инга, пройдет мимо овчарни и скроется в доме. Теперь это было единственное развлечение, что ему оставалось здесь доступно. Ах, да, еще борьба с назойливыми мухами, ставшими для него опостылевшими, но верными друзьями

Тело Байи еще не выносили из дома, наверное, Уйяга омывала его, потому как Инга то и дело выходила из дома, а возвращалась с бурдюком полным воды.

Для знатных пешмен обряд похорон до того был сложен и долог, что тело Байи будут еще долго мучить то омываниями, то пеленаниями, то окуриванием, то намазыванием чтоб очистить его душу от земной скверны, так что еще не скоро тому удастся отдохнуть под камнями. Затем, после всех сложных обрядов, его завернут в самый лучший в доме ковер, наверное, в тот самый, цвета охры, с изящными лесными ланями, в чьих рогах запуталась павшая листва. «Как же жалко тот прекрасный ковер», - подумал Собиратель и тихо вздохнул, погружаясь в мысли дальше: «и отнесут его тело далеко в неживую пустыню, и заложат его камнями и станет он курганом, и оставят рядом с курганом пищу и чай, чтобы дух его покуда не выйдет из тела смог питаться и пить».

Другое дело бедняки, нет им ни почестей, ни курганов, а как только выдохнут они свое последнее слово через рот, сразу же вынесут их в ту же каменную пустыню, и оставят так лежать, ничем не прикрывши, на растерзание зверям и птицам, и не будет им ни чая, ни наваристого бараньего бульона с потрохами, а сами станут они пищей и водой. И, дух, их, вопреки всему, также как и после обертываний, окуриваний, намазываний маслом и натиранием миртом, бесполезных, так же отсоединиться от своего гниющего тела, будет витать и парить на земле до конца времен вместе с другими духами, были они богатыми или бедными, не важно.

Так размышлял Собиратель, сидя в своем мрачном чулане, будто в темной ночи подле только что зажженного ячьего кизяк, а мысли и воспоминания, словно дым, пахнувший ладаном, клубились над его поникшей и уставшей головой.

Вот и день прошел. Небо покраснело, как жар из печи, которую только что заполнили добротными кизяками, и красный закат тот был не отличим от красного рассвета, и можно было бы спутать один с другим, если бы он недвижимо не просидел в этом тесном каменном мешке ведь день, и потому точно знал, что есть начало, а что есть конец этого долго, но по своему счастливого дня.

За весь день он выпил совсем мало воды, потому как боялся, что малая нужда будет одолевать его без конца, а сидеть в луже своей мочи, у него не было никакого желания, а значит и жажда и, присоединившийся голод мучили его, также сильно, как терзали его навозные мухи, и чем дольше он сидел вот так, тем сильнее ему казалось, что пытка эта не кончится никогда.

Как вдруг, он увидел, выходящую из дома Уйягу, глядя на нее, он с ненавистью сжал кулаки, так что костяшки пальцев захрустели, а зубы заскрежетали. Первым порывом его было выскочить из овечьего загона, и свернуть ей шею, на глазах у дозорных, и он бы так и сделал, будь ему восемнадцать зим или двести шестнадцать полнолуний, но в свои двадцать восемь, он уже научился владеть гневом, так что, подвигав желваками, словно дверным засовом, да

поклацав зубами, как ржавым замком, покорно затих и вязкая дрема взяла верх над его тлеющим внутри грудной жаровни гневом.

Он спал, и видел сны.

Зеленый луг, и деревья, подобно тем, что бывали только на рисунках в книгах улов, и запахи и звуки, и пенье птиц. И он гуляет там. Но что за сказочное царство? Что за чудные места?

И что-то вдруг мелькнуло вдали. Рыжеватое пятно, все в белых конопушках. Подходит ближе, еще ближе, крадется... Так это же лань, изящная, грациозная, бьет своим золотым копытцем, скачет на лугу, резвится. Вот бы дотронуться до нее, да так, чтоб не спугнуть.

Но увидела та лань Собирателя первой, да как вдруг прыгнет о оземь, так что искры метнулись вверх заревом и, в ту, же секунду, как вдруг скинет с себя шкуру звериную, да как обернетс девой, невиданной красы. Стоит теперь пред ним совсем нагая, укрытая лишь каскадом рыжих волос, с запутавшейся в них, все той же, павшей листвой.

Она стыдливо опускает глаза, и, переминается с ноги на ногу, будто смущаясь.

Собиратель протягивает к ней руки, все ближе, ближе, обнимает ее, ласкает ее плечи и молочные груди.

- Ну же, подними на меня глаза, - шепчет он ей сладко на ушко.

Она вскидывает голову, устремляя на него взор, а в них пустота, одна лишь молочно-мутная пелена смерти. Он в ужасе отталкивает ее от себя, и, пытаясь убежать, падает в траву, и та, словно тина, начинает его тянуть за собой в темные края, где даже мертвецы не бывали.

Собиратель в ужасе проснулся, холодный пот выступил на спине и на лбу, еще не понимая, где он и что здесь делает спросонья, он попытался встать, и чуть не опрокинул всю кучу кизяков, как вдруг услышал знакомый слабый голос. Он затаился и начал прислушиваться.

- Не бойся меня, малое мое стадо, - ласково шептала Инга, пробираясь к нему сквозь море спящих овец.

Все встало на свои места, он вспомнил все события прошлого дня и ночи, и, поняв, что время уходить, сам отодвинул похожую на дверь кучу кизяков, и вылез на свет, а точнее на тьму.

Инга , в неповоротливом зимнем войлочном эге стояла перед ним с его сумками, и не вдаваясь в лишние разговоры, сунула их ему прямо в нос и кинула ему, как кидают горсть сухой травы овцам, свой приказ:

- Иди за мной.

И он, покорно, разве, что, не заблеяв, пошел за ней, точнее поплелся, потому как от долгого сидения едва передвигал тяжелыми отекшими ногами.

Ночь благоволила им, ни луны, ни звезд, только густой глухой мрак. Они шли не по прямой, а плутали, то вправо, то влево, как если бы перебрали браги, но он понял, она знает дорогу, и ведет его так, чтобы дозорные не смогли заметить их.

Наконец они минули шемген, последний дом скрылся с их глаз в черной ночи.

Инга остановилась.

- Дальше ты идешь один.

- Разве ты не пойдешь со мной? Разве ж не так, я должен отблагодарить тебя за мое спасение. Теперь, когда жизнь моя в твоих руках, я обязан выполнить одно твое желание, каким бы оно не было, и не потому, что так гласит обычай Каменной пустыни, а потому, что так гласит закон справедливости, что выше любых законов, и главенствует на всей земле, – вопросил он Ингу в темной ночи.

- С этим клеймом, любой вновь обратит меня в рабыню, мне нужно свободная грамота и вольное клеймо.

Он хотел возразить ей, сказав, что все это пустое, и нет ли иронии, в том, что клеймо называется «вольным», разве же клеймение не противоречит слову воля? Ведь разве же стал бы человек по своей воле сам себя клеймить? И лучше ей найти доброго мужчину, и он станет ей защитником и дарует ту свободу, которая возможна, пусть и малую, но, на то этот мир и не совершенен, что никто здесь не свободен, так как бы он хотел того. Да и что говорить о людях, если даже песок в пустыне не свободен, потому как ветер гонит его, то на север, то на юг, против его воли, и стоит ему только прикорнуть барханом, как тот тотчас буря рассыпает его по земле, и время тому движению вечность, и имя той свободе - ничто.

Но Инга, словно опережая его слова, горячо начала излагать свой план:

- Уйяга сошлась с одним из воинов задолго до твоего прихода к нам. Они давно сговорились убить Байи, им нужен был первый путник, который бы, сам не знала того, принял бы на себя вину, и отвел бы подозрение от них самим. И теперь, когда она свободна, она продаст меня, так как уже давно сговорилась сделать это с приезжавшим раз в месяц хозяином невольничьего рынка в Ашлуши. Как только он выкупит меня у нее, то сразу же выставит меня на продажу на рынке, так как раб, не мало ест, и тянуть, время он не будет, чтобы не нести пустые убытки. И ты, должен будешь ждать меня там, и выкупить меня, а потом, даровать мне свободу и получить свободную грамоту на меня в Эгезе. Так гласит местный обычай. И когда я получу и грамоту, и клеймо, ты будешь свободен от своего долга и можешь идти куда хочешь.

- Инга, я без труда сделаю это, так как должен тебе, но пойми, в этой грамоте нет смысла, все равно…

- Разве же я спросила твое мнение на этот счет? – гневно воскликнула Инга.

Ярость и в нем вспыхнула, как сухой хворост, но он лишь произнес:

- Как скажешь, я буду ждать тебя в Ашлуши. И пусть духи помогут тебе в этой бессмысленной затее.

Другие слова не шли к нему, он хотел выразить благодарность ей, за эти два дня. Несмотря ни на что, они сблизили его с ней, как ни с кем на этой земле, но он не знал как это сделать, никто и никогда не проявлял к нему теплоты и доброты и он сам не знал, как проявлять их.

Ночь была так темна, что лица Инги он почти не видел, только очертания, она была похожа на голубя в эге с большими плечами, а войлок был ее оперением.

И повинуясь какому – то природному порыву, которому не меньше миллиона зим и одним только духам известно сколько полнолуний, он подошел и обнял ее, так крепко, что, казалось, птичьи ее косточки захрустели в его сильных ладонях. Она едва доставала ему подбородка, и запах шерсти и молока и уюта закружил голову Собирателю, как целый бурдюк браги. Он вдруг представил дом, и стадо овец, и чумазых детей, и кучу кизяков к ним в придачу, и мысль, эта не напугала его, а даже пришлась по вкусу, но девушка деликатно, и все же, твердо высвободилась и его рук, и глухо обронив:

- Ступай, и мне пора, - направилась обратно в шемген и ночь в тот же миг поглотила ее без следа.

И он, не оборачиваясь, отправился в путь, и тоска его была такой же черной, как эта ночь. Ему казалось, что горевал он о том, что судьба отдаляет его от цели, ведя в Ашлуши, винил и Ингу и Уйягу во всем, винил себя, но сам не знал, что на самом деле горевал он совсем о другом.

4. О Великой силе поэзии.

Путь на юго-запад от Киш-Агчи до Ашлуши пешком занял время равное от новолуния до гиббуса. За это время красные камни сменились на редкую, но все же зеленую траву, а безжизненные и мутные небеса, нависающие над самой головой воспарили ввысь и обрели не только цвет, но и форму, и даже начали встречаться редкие невесомые облака, похожие,

на оброненный птичий пух, будто кто-то на самом верху взбивал дорогие, набитые гусиным пером, гюльнерские подушки.

Но не Оазис ждал его впереди, а куча мусора - предвестник Ашлуши. До чего же грязен и до чего же черен, оказался этот пешменский шемген. Находившийся все еще формально под их властью, но граничивший и с неймезами и с гюльнерами на деле он не принадлежал никому, и потому, здесь собирался со всех близлежащих земель сущий сброд. Проходимцы стекались сюда на поиски легких денег. Совершившие преступления, скрывались здесь от преследований, другие же охотился за ними, и было здесь по хищному опасно, и не было здесь приличных занятий кроме воровства и торговли.

Хорошее жилье найти в Ашлуши оказалось тоже не просто. За комнату просили до десяти ар в сутки, так что ему пришлось снимать койку у сварливой старухи Нейгяз, деля ночлег со звероподобным , не имевшем ни имени, ни голоса, юазом. Тот за две недели жизни с ним не проронил ни слова, впрочем, Собиратель был этому даже рад. Жил он на втором этаже, и окна его выходили прямо на продуктовый рынок, так что уже через неделю пропах он мясом, молоком, жжеными финиками да потом старого, издыхающего осла.

Сумки приходилось таскать всегда с собой, что тоже порядком раздражало ула. Его сотюремник, как он в шутку называл юаза, не внушал Собирателю никакого доверия, кроме того у Нейгяз бывало много разного люда, кто оставался на ночь, кто жил неделями, но никто из них не нравился Собирателю, в особенности после того, что произошло с ним в Киш-Агчи. Не верил он и самой Нейгяз, видя в ней состарившуюся Уйягу, хитрую, злобную, но лишенной привлекательности молодости, которая была у жены Байи. Впрочем, он и раньше был нелюдим, но теперь сторонился людей вдвойне. За три недели в Ашлуши, он и двумя словами ни с кем не перемолвился, отчего казалось, что язык его снова присох к нЕбу, будто жил он не в шемгене, наполненном доверху людьми, а продолжал странствовать по необитаемой и не живой пустыне.

В поселении было немало прокаженных. Они просили милостыню прямо на улицах, держа в руках глиняные кружки для подаяния, и не произносили ни слова – так было заведено испокон веков, а зачем, и почему, никто не знал, а спросить было нельзя. Никто их не касался, и они никого не касались, и были они будто живые статуи, зловещее украшение грязного Ашлуши.

Были среди них и старики, и женщины, и даже дети, но все были одинаково молчаливы, погруженные в свою вечную скорбь и думы о бренности и бессмысленности жизни.

Но однажды, случилось странное. Возвращаясь с площади, он встретил прокаженного посреди рынка, как раз напротив лотков с козьим мясом. Было его лицо наполовину скрыто грязной рваной тряпкой, а другая же половина, вся в струпьях была обращена к людям, по всей видимости, чтобы вызвать жалость и сострадание. Но жалость он этим не вызывал, а вызывал лишь от отвращение, и потому, кружка его была почти пуста, в ней лежало только двадцать тин, да и те, скорее всего, старик сам положил в кружку.

Он не был молчалив, как все прокаженные, и без конца что-то шептал себе под нос. Голос его был слабым и тихим, но речь, обрывки которой доносились до Собиратель, была грамотной, и выдавала в нем человека образованного, и занимавшего когда-то в той жизни высокое положение в обществе.

Мимо старика проходил знатный пешмен, его длинное и волочащееся по земле, дэнге было расшито серебряными нитями, а шаровары украшали монеты, которые больше бы приличествовало носить молодой женщине на тюльке, нежели мужчине.

Как только пешмен поравнялся с прокаженным, тот, вдруг, начала декламировать стихи, да так громко, да так четко, словно хатур-проповедник, наконец нашедший свою паству, и теперь уже не намеренный его отпускать, пока не направит на путь истинный:

- *Я принимаю с горечью свою судьбу!*

Беру на горб, несу беду...

- С этими словами, он одной рукой начал указывать на горб, а другой стал цепляться за полы слишком длинного дэнге пешмена, что оказалось, кстати, проще простого.

Пешмен в ярости оттолкнул старика, грязно выругавшись, но тот, ничуть не испугавшись, и не смутившись, лишь продолжил:

- Я сам протаптываю путь,
Тебе меня уж не согнуть!
Уже и без тебя я сгорблен!
В трясущихся коленях согбен!
В моем мешке надежды нет,
Там только боль оставила дырявый след…

- И с этими словами, он снова вцепился в полы дэнге, стараясь скрюченной в струпьях рукой дотронуться до тела пешмена, затем начал блеять совсем другим голос, словно дух дурачка вселился в том миг в него:

- Пода-а-а-ай, пода-а-а-а-ай дружок,
По-о-о-оодай хотя б кусок…

Пешмен в ужасе, оттого что вот-вот заразиться проказой завертелся юлой, путаясь в своем собственном длинном дэнге, и встав, невзначай, на полы своего же кафтана, запнулся, и упал прямо рядом со стариком. Тот, оказавшись, так близко, как только возможно, к своей жертве, начал тянуть свои уродливые руки к нему, касаясь, прокаженными пальцами его голых ног, после чего тот обезумел от страха, завыл и пополз, попутно ругая старика самыми последними словами.

Наконец, пешмену, с трудом удалось встать. Лицо его приобрело пурпурный оттенок от борьбы и ужаса, который он только что испытал, мысль, что он может начать гнить заживо, как этот самый прокаженный, что на него напал, привело его в звериное неистовство. И, как только ноги его встали твердо на землю, он тут же подбежал к лежащему на земле, сгорбленному старику и изо всех сил, пнул его в живот, так, что тот скрутился в баранку, заскулил и запросил пощады:

- Не бей меня, не бе-е-е-е-ей, дружок.

Но пешмен не знал пощады. Он занес ногу над головой беспомощного старика, в желании сделать сокрушительный удар, как ту же, Собиратель, в мгновенье ока, подбежал к нему, и со всей силы ударил кулаком, прямо в челюсть пешмена, отчего тот пошатнулся, затем пытаясь убежать от дальнейшей расправы сгорбился, как тот самый старик, которого он, только что, лупил, и, закрывая лицо от новых ударов, побежал прочь, но, не видя дороги, успел сделать лишь несколько шагов, и снова запнулся о проклятый дэнгэ, и прямо головой воткнулся в огромную кучу вонючих сгнивших капустных листов, оставленных на корм скоту. И глядя, ошалелыми глазами из под сопрелых овощей, на Собирателя, и увидев в его синих глазах, все еще пылающий огонь ярости, он пришел в такой ужас, что тут же подскочил, как ужаленный, уже не заботясь о сохранности своего безвозвратно потерянного достоинства, разве что, не поджав хвост и не скуля, как побитая собака, подхватив полы дэнгэ, и стремглав побежал в ближайшую подворотню, в которой и исчез. И только эхо от его проклятий и ругательств, говорили о том, что он еще рядом.

Собиратель, молча, подошел к старику, и помог ему подняться. Тот хитро посмотрел на него своим единственным глазом, виднеющимся из под засаленных и грязных тряпок, которыми была обмотана его голова и уже совсем иным голосом, четким и даже деловым, произнес:

- Теперь я твой должник. Священный долг пустыни. Спроси старика Убагуля, если будет нужна помощь, - и с этими словами он распрямился, так что горб его исчез, как и не бывало, а в руках его, заблестела дорогая пряжка пешмена, которой, еще несколько минут назад, был сколот его дэнгэ.

- Хитрый плут! – смеясь, воскликнул Собиратель, поняв, что все это было не более чем представление, и старик, специально разыграл сцену с пешменом, чтобы обчистить его.

Старик поднес палец к губам, давая понять, чтобы тот молчал, и развернулся, намереваясь скрыться между лотками, кинув, будто между делом Собирателю:

- Спроси старика Убагуля, обман обманом, но долг пустыни нерушим, - и пропал, оставив за собой лишь рой черных жирных мух в своих праздничных перламутровых дэнгэ.

- Как чуден этот мир! – воскликнул Собиратель, все еще смеясь и дивясь произошедшему. Выходит, как бы он не смотрел в оба, непременно найдется тот, кто обдурит его, и эта мысль понравилась ему уже куда меньше, а настроение резко испортилось.

Уже почти две недели, как Собиратель пробыл в Ашлуши. Он прибыл на гиббус, дождался полнолуния, затем пришел растущий серп, и снова полнолуние, но торги рабов так и не были объявлены.

Дело в том, что невольничий базар открывался только раз в месяц, на полнолуние. Пешмены верили, что карманы будут полны, только если торговать на полную луну, тот факт, что карманы не могу быть полны у всех, и если у кого то прибывает, значит, непременно, у кого-то убывает их не волновал. Все крупные сделки в Ашлуши, проходили в один день на площади, из-за чего весь месяц стоял мертвый сезон, а жизнь отмерялась отрезками от рынка до рынка, от полнолуния, до полнолуния.

Исключением был базар продуктов, но, есть, надо каждый день, а не только на полнолуние, и потому, пешмены решили, что куплю-продажу еды это правило не касалось. Собиратель всегда дивился этой способности человека сочинять для самого себя самые немыслимые и сложные правила, а потом с тем же рвением искать способы, как их обойти, когда бы это было надо.

С момента прибытия Собирателя в Ашлушли в ночи повисла третья полная детородная луна, символ благополучия, приплода и прибыли. Но оказавшись на торговой площади, среди сотен других продавцов и покупателей, со всех прибрежных земель, он в ужасе обнаружил, что торгуют здесь чем угодно, только не рабами.

И кого бы он не спрашивал, никто толком не мог ему ответить почему так и что случилось. Правда, в этом тоже не было ничего удивительного, пешмены были не самым честным народом, и оттого, незнакомому человеку, никогда бы они не сказали правды, и не важно, принесет им эта ложь, что-нибудь, или нет, сам факт лжи, будто был перемешан в этих краях с песком, и потому, живя здесь, надо было всегда носить с собой сито, чтобы просеивать барханы обмана, в поисках крупицы правды, такова была жизнь в этих диких и лишенных морали местах.

И тут он вспомнил про старика Убагуля.

- Священный долг пустыни говоришь! – воскликнул Собиратель, довольно потирая руки.

В тот день на рынке было всего, лишь два лотка. Первый с козьим мясом, а точнее с тем, что от него осталось, а во втором лотке торговали излюбленными лакомством пешмен, бараньим кишечником, начиненным жиром и травами. Сам Собиратель относился к этому деликатесу с опаской. Там где он вырос, такое не употребляли в пищу, считая грязной едой, тут же, внутренности животных были на весь золото. Кишки варили, запекали до хрустящей корочки с крупой, жарили на углях, и все же, кишечник для собирателя оставался кишечником, и потому, он всегда за метр, обходил этот рыночный лоток.

Но продавец козьего мяса ничего ему не ответил, так что деваться было не куда, и он подошел к лотку с внутренностями.

Вокруг свисающей гирляндами сырой кровяной колбасы и синеватых свитков кишечника вились полчища гадких мух, видимо, знающих в толк в пешменских деликатесах, лучше Собирателя.

Старуха, торговавшая всем этим добром, была неопрятной и грязной, во рту у нее оставался всего лишь один зуб, роднившей ее с младенцем, у которого, наоборот, один зуб, только успел прорезаться. И нисколько не смущаясь своего рта, она улыбалась право и налево, оголяя свой единственный зуб в детской и добродушной улыбке, так что сам не желая того, ты умилялся и располагался к ней.

Собиратель с трудом подавив тошноту, подошел ближе, но вдохнув сладковато кислый запах плоти, побледнел как полотно, и, отворачивая взгляд от синеватых гирлянд кишок, с трудом процедил:

- Достопочтимая хозяйка лотка, не видели ли вы здесь сегодня прокаженного старика, попрошайку, сам себя он называет Убагулем, но я не знаю, его ли это имя на самом деле.

Старуха засмеялась, снова, обнажив свой единственный зуб младенца:

- Зачем же он тебе понадобился сынок?

Собиратель запнулся на полуслове, он понимал, что если скажет про долг пустыни, старуха наверняка смолчит, потому как все они здесь на рынке связаны друг другом, будто вот эти гирлянды кровяной колбасы, что сейчас нависают над его челом и решил сменить тактику:

- Я его друг! Хочу повидаться с ним! – решительно заявил Собиратель.

- Друг говоришь, - снова засмеялась Старуха, будто он сказал, что-то настолько забавное, что от смеха было не удержаться.

- Да друг, мы с ним родились в одном месте, мы земляки! Да! Мы земляки! – сам обрадовавшись своей идеи, решительнее заявил Собиратель, желая твердостью в голосе придать обману вес.

После этих слов старуха, согнувшись пополам и закрывая свой беззубый рот сморщенной ладошкой, захохотала так, будто он сказал нечто такое, смешнее которого она ничего в своей жизни не слышала.

Собиратель начал раздражаться, но делать было нечего, больше-то податься некуда. Кто еще мог сказать ему, где искать старика Убагуля, кроме этой полоумной старухи? С другой стороны, посиди здесь на жаре среди мух и кишок всю жизнь, еще не так спятишь.

Наконец, закончив смеяться, старуха заявила: - Я скажу где найти Убагуля, если ты отведаешь кусочек кровяной колбасы и кусочек бараньей кишки, вижу ты на них с таким аппетитом смотришь, небось голоден сынок?

«Проклятая карга!» - подумал Собиратель. Похоже, она заметиоа, как он побледнел, подходя к ее лотку, скорее всего и смеялась то она, не над его вопросами, а нам тем, как он все это время боролся с тошнотой. Ну что за гадкий город, хуже пешменского шемгена и не найти. Но делать было нечего. Другого выхода нет. Не мог он отправиться дальше на поиски города улов, пока не выполнен долг пустыни. Обязательства камнем тянули его вниз. Но как выполнить долг пустыни, если он потерял след Инги?

- Я согласен, - сглотнув, произнес Собиратель, и голос его дрогнул, отчего старуха, снова захохотала своим скрипучим дряхлым смехом.

Откуда-то, из-под полы, она достала уже приготовленную колбасу и фаршированные кишки, и грязным своим ножом, с изогнутым лезвием, похожим на серп новорожденного месяца, ловко подцепив и то и другое, отрезала, по два ровных, но достаточно крупных куска.

Собиратель зажмурился, и заткнул нос, попутно открыв рот, собравшись принять наказание, которые ему приготовила судьба, со всем мужеством и отвагой, на какие только был способен.

- Жуй! – приказала старуха, положив один кусочек ему прямо на язык, и не дожидаясь, пока он его прожует, сунула сразу же второй.

- Хм, - набив полный рот, задумчиво произнес Собиратель. Пряности, немного кислинки, текстура нежная, а корочка хрустит, и если отвлечься, от того, что ты ешь, не думать о том, чем и где это было, и какую роль выполняла, то вкусно, по-настоящему вкусно!

- Отменно! И сочно! И сладко! – воскликнул удивленный Собиратель.

Старуха довольно улыбнулась: - То-то же! Не спеши судить о том, чего не знаешь, вначале посмотри, затем пощупай, потом попробуй, и о каждом предмете, составь свое мнение, - сказала старуха, а, затем, кинув, будто невзначай, произнесла:

- Ищи Убагуля в харчевне матушки Хайзы, и помни, все порой, не то чем кажется. А теперь, кыш! Кыш отсюда! - Неожиданно гневно произнесла Старуха, - Нечего мне отпугивать покупателей! Заслонил тут мне весь лоток! И сам не берешь и другим не даешь! Кыш! - Вновь закричала старуха, и, схватив в руки грязный растрепанный веник, толи для мух, толи для него самого, потрясла им в воздухе, прогоняя обоих.

- Вот же чертово место! - воскликнул Собиратель, и, последний раз взглянув на старуху, быстрым шагом прошел прочь. Ему и самому не хотелось оставаться здесь, тем более, что скоро уже вечер, и лучше бы ему до сумерек найти харчевню Матушки Хайзы. В подворотнях Ашлуши в темное время суток могло быть по-настоящему опасно даже для того силача, как он.

К счастью заведение матушки Хайзы найти было легко, все знали, где это, и с охотой рассказывали ему, как найти самый большой шатер в шемгене. Видимо это место пользовалось особой популярностью и любовью у пешмен и было их предметом гордости, наверное оттого, что гордится в шемгене было больше нечем.

Кухня располагалась прямо перед входом в шатер, и здесь же была сама матушка Хайза, сидящая на циновке и словно шестирукое существо, она одновременно пекла лепешки и наливала чай, и готовила мехседру, смешивая в огромном тазу хлеб, овощи и заливая это всей бараньим бульоном.

Сама матушка Хайза была так же огромна, как и ее шатер, но ловка и гибка, как самая юная и изящная лесная лань.

- Здравствуйте, матушка Хайза, - начал Собиратель, - я ищу старика Убагуля, мне сказали, что я могу его здесь найти.

Матушка Хайза сделала вид, что не слышит его, и даже не подняла на него глаза, засыпая золой новую лепешку хлеба.

- Матушка, - хотел повторить свой вопрос Собиратель, но она перебила его:

- Чай – пятьдесят тин, тарелка михсидры – два ара, половник браги – три ара. Или бери или уходи.

Собиратель хотел было возразить, что не голоден, но поняв, что так ему ничего не добиться, решил заплатить и за чай, и за тарелку михсидры, без браги, разумеется, уж слишком свежи были воспоминания о том, что случилось, когда он пил ее в последний раз в доме Байи. Хайза рукой, ставшей когтем орла ловко зацепила из его руки монеты, и отправила их в висящей на груди мешок. Все правильно, в этих краях все самое ценное стоило держать, прямо у сердца, - иронично подумал Собиратель, глядя, на ловкую и хитрую, как все пешменки Хайзу. Получив, наконец, тарелку михсидры, и чай, он прошел в сам шатер. Время осмотреться, подумать и уже за едой и пьем решить, что делать дальше.

Шатер был так огромен, так широк и так высок, что в него вмещались не меньше дюжины крепких и рослых мужчин, сидевших по двое или по трое в каждом круге. Не было здесь ни стульев, ни столов, а сидели все прямо на ковре, кто - полулежа, кто в позе лотоса, а кто, подогнув под себя колени, как делают только дети. Но до чего же, разношерстной была толпа, тут тебе и пешмены и юазы, и немейзы, и еще пару лиц, происхождение, которых даже Собирателю, обошедшему полземли было неизвестно.

В углу сидел музыкант, и водил смычком по незнакомому ему двуструнному приспособлению, похожему скорее на кухонную утварь, или же на внушительных размеров мужское достоинство, сделанное из козьей кожи, нежели на музыкальной инструмент.

Но звук из-под его смычка выходил ладный и даже мелодичный. Сам музыкант был молод и хорош собой, и походил на златокудрого младенца, правда с хитрыми и лукавыми глазами, как если бы тот, все познал об этой жизни, находясь еще в утробе матери.

Пел он на незнакомом Собирателю языке, но даже если бы тот пел на пешменском, в общем гуле и галдеже, слов было не разобрать, но ясно было одно, песня та была о несчастной любви, уж такие песни всегда поймешь, не зная, ни слова. Уж такова сила любви и ее предназначение – быть понятной всем и всюду, где бы кто не родился и во что бы, кто не веровал.

Собиратель сел в противном от музыканта углу, и стал наблюдать за всем, что происходит вокруг, попутно размышляя, почему старуха привела его сюда, и какой во всем этом смысл. Может, она просто таким образом подыскивала клиентов для матушки Хайзы, и отправляла сюда всякого, затерявшегося путника, не заботясь о том, кто он и что ищет в этих местах?

Мальчишка прислужник вновь, как и Хайза предложил ему браги, видимо основной заработок здесь был не от михсидры. Собиратель категорически отказался, но скептически посмотрев на кушанья, больше похожее на корм для скотины, даже об этом пожалел, потому как с брагой бы это пошло лучше, но, вспомнив урок, который ему преподала старуха, решил не судить слишком рано, а вначале отведать, то, что лежало на тарелке, а уж потом решить, вкусно это или все же соответствует внешнему виду.

И только он поднес еду ко рту, как по головам, сидящих, прошел гул, и рокот, и кто-то прямо из толпы запустил в музыканта костями, а все в ответ одобрительное заулюлюкали.

Но худой пример заразителен, и вот уже в музыканта летели недоеденные овощи и кости и даже полупустой стакан, к счастью попавший в мягкий шатер, и разбившейся только у ног артиста, не задев его даже осколком.

- Хватит тут бренчать заунывную тоску! – недовольно крикнул неймез.

- Да, да! Давай веселее! Развесели нас, шарлатан!!! – прозвучали возгласы из всех углов шатра.

Шестое чувство подсказывало Собирателю, что пора убираться отсюда. Он не раз бывал в компании подвыпивших мужчин, и никогда и ни для кого из присутствующих это не заканчивалось хорошо. Более того, подчас доставалось больше всего именно тому, кто ко всему этому не имел вообще никакого отношения и сидел тише всех.

Но музыкант, даже усом не повел, и нисколько не смутившись, будто еще минуту назад в него летели не кости и огрызки овощей, а цветы и прздничные листья, кинул смычок, взял музыкальный инструмент так, словно он был струнный, и забренчал с такой силой и азартом, будто все это время только этого и ждал, заголосив при этом во всю мощь:

Безъязыкие языки,
Так доверчивы и дики,
Что обритую козу
Примут за свою жену!

Толпа загрохотала от хохота. Не смешно было только языкам, которых теперь можно было легко отличить в пестрой и разномастной компании по кислым лицам. В ответ, на оскорбительное стихотворение, в стане языков волною прошло недовольство, они начали кидать гневные взгляды не только на музыканта, но на, хохотавших больше всех неймезов.

Один из языков, не выдержал и гневно воскликнул:

- Давай лучше что-нибудь про неймезов! Уж больно им весело, пусть попробуют посмеяться над собой! Посмотрим, удастся ли им это!

- Можно и про неймезов, - быстро подхватил музыкант и завопил громче прежнего:

Пешменку из враждебного шемгена,
Лишь раз увидев, полюбил неймез.
Через минуту преклонил пред ней колено
А через две он на нее уже залез!

Тут уж пришла очередь языков хохотать с неймезами, тогда как пешмены сидели, насупившись, потому как отведенную им роль не слишком пришлась по вкусу, но больше всех веселились юазы, потому как, ни одна из шуток, их не касалась.

Заметив это, один из пешмен, зло выкрикнул:

- Ты тут нас всех высмеял, а давай-ка про юазов! Уж больно им смешно! Пусть про себя теперь посмеются!

- Ах юазы! Что юазы? – не растерялся музыкантов и тут же спел, заранее припасенным, экспромтом:

- Ведь юазов видно сразу!

Лица их – овечий зад,

Лишь баран тем лицам рад!

Хитрый плут играл словами на чувствах людей, так как до этого играл на струнах музыкального инструмента, ловко, касаясь то зависти, то ненависти, то злости, то всех низменных порывов сразу. И результата не пришлось долго ждать, провокация сработала безошибочно и точно в цель, оттого, что были все эти люди неотличимы друг от друга, потому что люди, хоть и казалось им, ошибочно, будто они различны.

Что тут началось после последних строк! Все начали хохотать и даже шатер затрясся, будто сам смеялся с ними. Не хохотали только юазы, лица их покраснели как камни, раскаленные на солнце в самом сердце жаркой пустыни. Кто-то из юазов , разъярился так, что не смог совладать с собственными чувствами и в гневе кинул , смоченный в бараньем жиру кусок хлеба, прямо в толпу и ведь попал, попал прямо в глаз ни в чем не повинному неймезу. И началась тут заварушка!

В воздух полетели тарелки, чай, рыбьи и бараньи кости, вслед за этим, все начали всем подряд, на право и налево, раздавать тумаки. И было уже не разобрать, кто с кем дерется, все сплелись в один клубок кулаков и затрещин. Шатер зашатался, заскрипели колья, еще чуть-чуть и хлипкая конструкция должна была упасть на дерущихся и усмирить тем самым их.

Сидевший поодаль Собиратель начал пятиться на выход, попутно, стараясь никого не задеть, чтобы не оказаться невзначай в самом эпицентре драки и не получить ни за что затрещин.

Но, что, же делал хитрый музыкант? Этот плут только успевал тащить из тюков, забытых драчунами, все до чего только дотягивалась его длиннющая рука.

А на невинном лице, только что родившегося безгрешного агнца, играла плутовская улыбка.

«Все не то, чем кажется…», - вспомнил Собиратель слова старухи с рынка. Мысль сразила его наповал, как гром среди ясного неба. Это же тот самый старик Убагуль, все те же стихи, та же провокация, ловкий трюк. Вот же пройдоха! – воскликнул Собиратель, выпрыгивая из шатра. Но далеко уходить он не стал, а встал прямо напротив ходуном ходящей харчевни, ожидая, когда и проныра выпрыгнет оттуда, со своей добычей.

Шатер затрещал по швам, и за секунду, как накрыл непрекращающуюся драку, оттуда, как ошпаренный из бараньего бульона, выскочил Убагуль, где его с распростертыми объятиями уже ждал Собиратель.

Он схватил шарлатана за шкирку, как поступает кошка со своим котенком, потащил за собой.

Убагуль, застигнутый врасплох, не произнес ни слова, а только беззвучно задрыгался в руках Собирателя, как тряпичная кукла. Но поняв, что все попытки вырваться, тщетны, он, наконец, утомившись, угомонился, и, повиснув тряпкой на Собирателе, запел тоненьким и жалобным голоском уже другую песню:

- По-о-о-о-оставь меня на ноги! Уже ли не видишь ты, что я иду за тобой и не противлюсь!

- Ну, уж нет, - проскрежетал зубами Собиратель, - хватит с меня веры в людей! – И с этими словами, грубо поволок его за собой, подальше от харчевни, тем более, что упавший на дерущихся шатер теперь больше походил, на уплывающее в разные стороны тесто, которое не подвластно даже такой хорошей хозяйке, как Хайза, нежели на место веселья в прошлом.

Но когда отошли они на безопасное расстояние, плут снова сделал попытку освободиться:

- Слово пустыни! Я пойду за тобой!!! – прокричал Убагуль, устав семенить ногами, едва касаясь земли.

- Не уверен, что твоему слову можно верить, – скептически посмотрел на него Собиратель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.